

Отдел

Автор:

Алексей Сальников

Отдел

Алексей Львович Сальников

Игорь в принципе не ждал хорошего от этой работы: заброшенная котельная в промзоне, коллеги с волчьими билетами, ну какие там могли быть цели и задачи.

Надо напиться, думает Игорь, поднимаясь к вашим соседям. Раз-два-три-четыре, главное не перепутать этаж. Слышите шум наверху? Это не дети расшалились, это выстрелы.

Алексей Сальников – российский поэт и прозаик. Публиковался в альманахе «Вавилон», журналах «Воздух», «Урал», «Уральская новь» и других. Его роман «Петровы в gripпе и вокруг него» вошел в короткие списки премий «Большая книга» и «НОС» и стал одной из самых обсуждаемых книг 2017 года.

Содержит нецензурную брань!

Алексей Сальников

Отдел

Глава 1

Жена пятый раз за полтора часа позвонила Игорю и спросила, когда он будет дома. С той поры, как его выгнали из органов, она стала удивительно властной язвой. Все пять раз, что она звонила, жена намекала, что задержится на работе, поэтому он должен забрать сына из детского сада.

– Слушай, – не выдержал наконец Игорь, – тебе что там, заняться нечем, кроме как названивать?

Его раздражение было легко понять, он кружил по району на машине, как какой-то залетный бомбила, в поисках дома, где должно было состояться собеседование, но gps, «Яндекс-карта», «Гугл-мэпс» и прохожие, как один, указывали ему на одинокое здание, красная кирпичная труба которого, несколько выщербленная временем, торчала из-за кривого бетонного забора. Низкое октябрьское небо, на фоне которого торчала труба, медленно гнало куда-то одну сплошную, широкоформатную, от края до края, тучу, и небесное движение это приводило Игоря в еще большее отчаяние. Здание с трубой, к которому вела глинистая грунтовка, перегороженная облезлым деревянным шлагбаумом, никак не могло быть фээсбэшной конторой, куда несколько дней назад Игоря настойчиво зазывал офицер со смутно знакомой фамилией.

Жена позвонила шестой раз, Игорь подумал: «Я как бы забыл телефон», – и действительно оставил телефон в машине, вышел и полез под шлагбаум. За забором было еще более уныло, чем казалось снаружи, дело, видимо, было в том, что до этого Игорь глядел через шлагбаум из теплого сухого автомобиля и не чувствовал и не слышал того ветра запустения, который непрерывно двигался через огороженную территорию, роняя капли редкого дождя. С внутренней стороны углы забора, заросшие какими-то кустами, выглядели, как забывшие о бритве подмышки. Грунтовка знаком вопроса огибала здание с трубой, как бы интригуя тем, что вход в здание находится со стороны, обратной въезду; с той стороны, где стоял Игорь, были только большие окна, состоявшие из множества квадратных стеклышек, настолько пыльных, что тем, кто был внутри, если внутри кто-то имелся, не нужны были шторы. Справа от окон располагалась водосточная труба с оторванным низом и чернотой на том месте, где секции трубы соединялись друг с другом. Возле водосточной трубы стоял крупный хмурый мужчина в потасканном синем комбинезоне и курил сигарету. Игорь помахал ему рукой, надеясь, что тот задержится и как-то разъяснит весь этот занимавший Игоря топографический идиотизм, но мужчина, завидев повиливания Игоря в свой адрес, бросил окурок, пошел прочь, открыл дверь где-то сбоку здания и пропал. «Вот сука», – почти без злобы подумал Игорь.

Внутри здания с трубой, если не считать двух паровых котлов и запаха туалета, смешанного с запахом хлорки, было пусто. Игорь походил туда-сюда, изучая выцветшие плакаты с правилами техники безопасности, пустой противопожарный щит с силуэтами багра, топора и треугольного ведра, нашел две двери в подсобки с надписями «Сварщики» и «Слесаря» и безрезультатно подергал дверные ручки. Шум отразился от кафельного пола эхом, похожим на цоканье каблучков, Игорь вспомнил про жену, и легкая волна злорадства слегка притушила ту досаду, что была у него на душе. Наконец Игорь нашел дверь, ведущую на лестничный пролет, который вел, в свою очередь, куда-то наверх. Наверху был сумрачный коридор без единого окна, освещенный парой сорокаваттных лампочек, по обеим сторонам коридора находились двери, Игорь без стука сунулся в первую из них.

В кабинете кафель сменялся линолеумом, старые половицы заскрипели под ногами Игоря, и полный, приземистый человек, сидевший спиной ко входу, лицом к экрану ноутбука и что-то набиравший на бесшумной клавиатуре, блеснул абсолютной лысиной, озвучивая равнодушный вопрос.

– Чего надо? – спросила лысина тусклым голосом.

«Шоколада», – захотелось ответить Игорю, он замялся, соображая, как оформить вопрос, чтобы не выглядеть совсем уж глупо, и человек за ноутбуком, почувствовав заминку, глянул через плечо.

– А-а, – сказал человек даже как бы с разочарованием. – Ну, садись, садись.

Он показал на стул сбоку от стола. Загипнотизированный его разочарованием, Игорь послушно сел. Человек продолжил шарить по клавиатуре толстенькими пальцами, кольца на безымянном пальце правой руки не было. Он будто забыл об Игоре минут на десять. За это время Игорь успел устать, скашивая глаза на убранство кабинета, более походившего на вотчину советского директора школы, со всеми этими стеклянными шкафами, где хранились журналы, потускневшими вымпелами на стене, пыльными спортивными кубками на подоконнике, красным дисковым телефоном на столе. Стул под хозяином кабинета поскрипывал. Спортивный костюм человека за ноутбуком не вязался с его одышливым посвистывающим дыханием. Возникал вопрос: если лысый так дышит, когда просто сидит, то что же происходит с его дыхалкой, когда он передвигается.

– Пришел, значит, – сказал человек так внезапно, что Игорь подпрыгнул от неожиданности на своем онемевшем от сидения заду.

Толстяк с нескольких попыток выдвинул перекосившийся ящик стола, вытащил оттуда канцелярскую папку с надписью «Дело», развязал тесемочки, сверился с тем, что внутри, и спросил, как-то по-особенному сотрясая щеками:

– Игорь Петрович? Так?

– Так, – кивнул Игорь.

Толстяк бросил папку обратно в ящик стола и с нескольких попыток задвинул его. Он обратил глаза в сторону посетителя, и от этого взгляда Игорю стало как-то нехорошо, у него создалось впечатление, что к толстяку приделаны глаза от кого-то другого, будто швейцарской овчарке пересадили глазки питбуля.

– Давай сразу на ты, Игорь Петрович, – сказал толстяк. – Меня зовут Сергей Сергеич, я тут главный, я тебе и звонил.

Толстяк не сделал никакого движения, хотя бы намекающего на то, что он собирается протянуть руку для рукопожатия, Игорь подумал, что если протянет руку первым – это будет как-то унижительно в свете того, что устроили ему на прежней работе, и в свете того, что творилось у Игоря в семье. Он решил, что унижений ему хватит, и через это в знакомстве Игоря и Сергея Сергеевича образовалась неловкая пауза с пятисекундными гляделками.

– Ты знаешь, чем мы тут занимаемся? Справки у бывших коллег не наводил? – в последнем вопросе толстяка сквозила некая, понятная им обоим, издевка. Игорь невольно хмыкнул, а Сергей Сергеевич расценил это хмыканье иначе, нежели это мыслил Игорь. В хмыканье Игоря должна была угадываться горечь, типа, какие, на хрен, бывшие коллеги. Сергей Сергеевич же угадал какую-то насмешку над деятельностью своей и своих коллег.

– Нет, ну понятно, – вздохнул Сергей Сергеевич, – но при этом ты же пришел сюда. Или совсем все плохо? Даже начальником охраны никуда не берут? Даже бухгалтером в какое-нибудь СМУ не хотят?

- Не хотят, - честно сказал Игорь.

- Вот, - удовлетворенно заметил Сергей Сергеевич, - теперь ты уяснил, куда ведет несправедный путь коррупции.

Игорь оценивающе пригляделся к лицу толстяка, пытаюсь угадать, насмешничает он или нет, но только загляделся на мелкие малиновые прожилки на щеках Сергея Сергеевича, с самого детства такие прожилки на лицах пожилых людей пугали его.

- То, что ты неразговорчивый, - это хорошо, - сказал Сергей Сергеевич, тоже, видимо, приглядывающийся к Игорю и сделавший для себя кое-какие выводы. - Потому что если у тебя раньше были поводы молчать, то теперь у тебя их только прибавится, если согласишься работать по специальности.

«Был бы я таким неразговорчивым раньше, я бы тут не сидел», - с легкой тоской подумал Игорь.

- Так чем нужно будет заниматься? - спросил Игорь.

Сергей Сергеевич скрипнул стулом, закрыл ноутбук и посмотрел на Игоря так, что у того вспотели ладони.

- Всем, чем я скажу, нужно будет заниматься, Игорь Петрович. Это второй шанс, ты сам понимаешь, если тебе его государство дало, нужно ценить. Если ты сюда пришел, значит, этот шанс тебе нужен, так ведь? - Сергей Сергеевич не стал дожидаться ответа и продолжил: - Мне нужны такие люди, которые, если я скажу поехать в Таиланд и притвориться бригадой тайских блядей, спросят только, когда выезжаем, а как предохранить их от СПИДа и предохранять ли вообще - моя забота. Я хочу знать, что они не побегут в ближайшую газетенку со сведениями о том, что фээсбэ крышует сиамские бордели и поставляет им своих сотрудников.

Игорь понял, что это шпилька в его адрес, и кровь несколько прилила к его лицу.

- А косметика? - спросил Игорь исподлобья.

– Что косметика? – не понял Сергей Сергеевич.

– Косметику в Тайланд свою брать, или вы на месте выдадите?

– Юмор – это хорошо, – с тем же выражением лица одобрил выпад Игоря Сергей Сергеевич. – Юмор, особенно вот такой беззлобный, позитивно действует на коллектив, но учти, что у меня, кроме тебя, таких клоунов уже несколько штук есть, не устанешь соревноваться?

«Не устану», – подумал Игорь, но промолчал. Он не понимал, что опять привело его сюда, под крыло этих людей, чьи корочки и звездочки на погонах что-то решают в судьбах других людей – без корочек, без звездочек или с количеством звездочек, соответствующих низшему рангу. Это был необъяснимый магнетизм причастности к защите страны. Многие люди, очарованные этим магнетизмом, строили генеральские дачи или крышевали бизнес, или, как Игорь, безропотно выслушивали шутки про тайских блядей, при том что если бы такую шутку высказал какой-нибудь другой работодатель, не имеющий этого флера причастности к высшей цели, звездочек, корочек, Игорь уже попытался бы разломать столешницу его жирной мордой.

Молчание Игоря Сергей Сергеевич расценил по-своему и сказал:

– Значит, Игорь Петрович, история такая. Я тебя обманывать не буду. Формально мы, конечно, фээсбэ принадлежим, то есть ты сможешь как раньше корочками по пьяни светить, на дороге там, если проблемы возникнут, тоже. Но если на реального фээсбэшника напорешься, то тут он по всем статьям обыгрывает, типа, у тебя восьмерка, а у него туз. Так что если начнешь не по делу залупаться, то и отсюда вылетишь. Ты тут до первого косяка – и без тебя придурков хватает. И еще такое дело. Проект совместный с Минобороны, секретный на всех этапах, поэтому деньги попилили уже на стадии выделения и пилили еще несколько раз, прежде чем они до нас дошли, сам видишь, какая у нас конторка через это образовалась, в сортир лучше дома ходить, ботинки целее будут. Карандаши, ручки, картриджи для принтера самому придется покупать, по крайней мере, пока. Кадры у нас тоже такие, что даже ты ахнешь. Я имен называть не буду, но один хрен свидание одиннадцатилетнему пацану назначил в Интернете, скандал был, ну его, короче, выперли из органов, но за прежние заслуги все-таки решили пристроить хотя бы сюда до пенсии. Его жена из дома выгнала, так он прямо тут и живет, ему, бедолаге, приходится терпеть все здешние удобства, но это, наверно, все равно лучше, чем из дырявой ложки

есть. Сюда даже дочку одного генерала пытались всунуть, когда она семью на пешеходном переходе бодро переехала, но потом решили по старинке, типа, отсрочка приговора до времени, когда ее ребенку исполнится четырнадцать лет, а она даже не беременна еще, прикинь.

- Прикинул, - сказал Игорь.

- Я тебя в детали, конечно, посвящать не могу, меня самого не во все посвятили, - продолжил Сергей Сергеевич, - но, вообще, работа не пыльная. Это даже, я бы сказал, иллюзия работы. Я, честно тебе скажу, сам не могу поверить, чем тут занимаюсь. Я иногда сижу дома и несколько охреневаю, и тебя это чувство посетит, тут только Молодого оно не посещает, ну так у него при нынешнем строе, считай, вся сознательная жизнь прошла. А ты же еще до перестройки родился?

- В деле всё есть, - заметил Игорь.

- Да, - то ли признал правоту Игоря Сергей Сергеевич, то ли отвечал каким-то своим мыслям. - Короче, бардак, конечно, но ты ведь и раньше с этим сталкивался, и надеюсь, что пыл поумерил, варежку уже не будешь разевать.

Из-за этого сказанного добродушно «разевать варежку» кровь опять прихлынула к лицу Игоря.

- Тут просто нельзя играть в разоблачителя, реально, - пояснил Сергей Сергеевич. - Если начнешь видеообращение к народу на ютьюб закидывать или документы сканировать для «Викиликс» про то, какой идиотизм здесь творится, то сразу говорю, ты ничего не докажешь. Это в лучшем случае, а в худшем, конечно, твои старые грешки могут припомнить, и будет твоя жена передачи в тринадцатую колонию возить, сам понимаешь.

Игорь совсем не был уверен, что его жена будет возить передачи в тринадцатую колонию, он не был уверен теперь, будет она их хотя бы слать или хотя бы отвечать на письма, и, видимо, эти мысли как-то отразились на мимических мышцах Игоря, потому что Сергей Сергеевич спросил.

- Ну что, есть какие-нибудь вопросы, может, детали какие остались непонятные? Ты не стесняйся, лучше сразу узнавай, чтобы потом не было соблазна героя из

себя строить. Лучше сразу представь, что тебе предложили охранником в Освенциме работать, чтобы шор каких-то романтических не оставалось, если они у тебя еще остались с прошлого раза.

- Курить здесь можно? – спросил Игорь.

- Вообще, я противник этого дела, – признался Сергей Сергеевич. – Я, как видишь, больше пожать люблю в нерабочее время. – Да и в рабочее тоже, – угадал мысль Игоря Сергей Сергеевич. – Но так-то можно – только форточку открой, а пепел в кубок вон тот стряхивай, потом вымоешь.

Возникла очередная заминка, связанная с тем, что Игорь выкурил все сигареты, пока искал здание конторы, и ожидал, что Сергей Сергеевич поделится куревом – Игорь решил, что проблемы с сосудами на лице возникли у будущего начальника от того, что он злоупотреблял алкоголем и табаком. Теперь Игорь не знал, как сказать об этом повежливее, а Сергей Сергеевич ждал, когда Игорь начнет свое задумчивое курение под форточкой. Игорь стал ищуще хлопать себя по карманам.

- А, так ты так завуалировано стрельнуть пытался. Извини, – Сергей Сергеевич, хрустнув костями стула, привычно снял трубку с телефона, зажал ее между плечом и щекой, схватил тело телефона одной рукой, чтобы тот не скользил по столу, а указательным пальцем второй раза два поворачивал телефонный диск.

Только теперь Игорь заметил круглые настенные часы над входом в кабинет, они показывали тридцать восемь минут пятого. Только без двадцати пять отчетливые гудки в телефонной трубке сменились каким-то хрипением, а Сергей Сергеевич возмущенно засопел в ответ на это хрипение.

- Ты спишь, что ли, там? Сигаретку занеси мне, дорогой.

Трубка что-то коротко вопросительно или возмущенно прошипела.

- А на что ты нанимался? – не без язвы спросил Сергей Сергеевич. – Давай, короче, неси, потом поругаемся, заодно познакомишься.

Трубка опять похрипела, на этот раз как будто вопросительно. Сергей Сергеевич после этого вопроса оценивающе глянул на Игоря.

– Не, ну хер знает, – сказал Сергей Сергеевич, – может, Филу и понравится, а тебе вряд ли, хотя если еще пару месяцев в таком темпе придется работать, мы тут все друг к другу заприглядываемся. Короче, иди сюда, хорош уже кокетничать.

Сергей Сергеевич хлопнул трубку обратно на рычаг и, как показалось Игорю, облегченно вздохнул.

– Вот так вот, – сказал он, как будто объясняя Игорю что-то.

Через минуту в дверь аккуратно постучали.

– Ёлы-палы, – громко высказался Сергей Сергеевич вместо приглашения зайти, и на пороге появился тот самый здоровяк в синем комбинезоне, что проигнорировал махания Игоря возле шлагбаума.

– А, этот, что ли, – сказал здоровяк с некоторым разочарованием, пока Игорь изучал его заляпанные грязью брезентовые ботинки. – Это ведь тот самый, крыса который? – спросил он так, будто Игоря не было в кабинете, считая, скорее всего, что телосложение дает ему право задавать такие вопросы в таком тоне и в присутствии Игоря.

– Да, да, – ответил Сергей Сергеевич, попадая в тон здоровяку, так, что у Игоря создалось впечатление, что он вообще исчез. – Он самый. Пятно на чистом лице государственной службы. Он твой тезка, кстати, только Петрович.

– А-а, ну хорошо, – одобрил здоровяк и пояснил свое одобрение: – Хоть запоминать особо не нужно, а то этот, то ли Ренат, то ли Ринат...

– Ринат, – сказал Сергей Сергеевич.

– Ну ладно, – отвечал здоровяк, – пойдём, что ли, покурим, Игорь, э-э-э...

Игорь понял, что пора подняться и пожать руку.

– Игорь Петрович, – сказал он здоровяку, пытаюсь показать, что его рукопожатие не такое слабое, как может показаться на первый взгляд, что впечатление обманчиво.

– Игорь Васильич, – представился здоровяк и тут же бросил через плечо Игоря: – Смотри-ка, вроде женатый, а рука правая сильнее, чем у Молодого.

Игорь пропустил шутку здоровяка мимо ушей, а Сергей Сергеевич оставил ее без ответа. Игорь обратил внимание, что у Игоря Васильевича, как и у Сергея Сергеевича, не было обручального кольца.

– Ладно, Игорь Петрович, пойдем, правда, покурим в другом месте, – Игорь кивнул, они вышли, и здоровяк сказал в еще не закрытую дверь: – А то опять начнет, у меня из-за вас астма, диабет, давление.

Они вышли на лестничную площадку и поднялись на этаж выше, может, и там тоже был коридор, но дверь в него была заколочена двумя толстыми досками крест-накрест. Здесь ступени заканчивались и лестничная площадка выглядела свежее из-за своей заброшенности, она была как будто только что побелена, побелена была даже заколоченная дверь – и сразу же брошена малярами, в углу еще стояли их кисти, покрытые известкой, на подоконнике полуоткрытого окна стояло ведро с белыми подтеками. Игорь Васильевич показал на это ведро и сказал:

– Пепельница.

Потом протянул Игорю сигарету, закурил сам и дал прикурить Игорю.

– К нам, значит, собираешься, – сказал здоровяк после первой затяжки.

Игорь покивал и спросил:

– А что тут, вообще?

Игорь Васильевич ухмыльнулся.

– А тебе главный мраку напускал? – Игорь покивал. – Обещал командировку в Тайланд? – Игорь опять покивал.

– Да тут все по-всякому считают, – сказал Игорь Васильевич, пуская дым на макушку Игоря. – Молодой говорит, что мы, типа, инопланетян допрашиваем. Говорит, что кто-то наверху выслужиться решил еще при Медведеве, типа, если тот от инноваций на внеземной разум переключится, ему сразу нас предъявят: вот, у нас уже это есть, и документы имеются и все остальное – список операций, протоколы допросов. Но ты не парься особо, что все это правда, на самом деле эта история еще при Союзе началась. Но я не могу тебе рассказать, потому что у меня с Эсэсом договор языком не трепать. Ренат думает, что мы черных риэлторов покрываем каким-то макарон для кого-то сверху.

Игорь не знал, чем ответить на такой пространный спич и неопределенно похмыкал, делая вид, что понимает, о чем говорит Игорь Васильевич.

– А я вот надеюсь, что не у всех же наверху крыша поехала, если держат нас тут, значит, есть какой-то смысл, система определенная прослеживается. Отчетности ведь всякой требуют наверх даже больше, чем обычно; тут, блин, столько бумажной работы – даже ты, бухгалтер, охренеешь. Да и смысла не было бы все так скрывать, если бы это была криминальная схема под крышей фээсбэ. Ты ведь не один такой несчастный, что никуда приткнуться не можешь, тут половина народу согласилась бы на любую криминальную байду сразу, если бы ее прямым текстом предложили, а вторая половина поломалась бы, поломалась и согласилась после некоторых раздумий. Ну, что я тебе говорю, если согласишься, может, сам до чего додумаешься, даже интересно, что тебе в голову придет.

– А зарплата как?

– Ну, мне хватает, – уклончиво ответил Игорь Васильевич.

Игорь мысленно усмехнулся, его всегда удивлял этот стыд людей при разговоре о зарплатах. Все, кого когда-либо знал Игорь, с легкостью рассказывали о каких-то гомосексуальных опытах в юности, о том, как у них не стоит на жену, о самых интимных деталях семейной жизни, но сразу же стеснительно замыкались, когда разговор заходил о деньгах, которые они честно получали за свой честный труд, – какое-то сложное табу на финансовую наготу. Игорь и сам стеснялся

говорить, сколько зарабатывает. Он хотел озвучить эту мысль, но почему-то не решился, пялясь на огромные боты Игоря Васильевича, тому тоже резко не о чем стало говорить, поэтому остаток перекура они провели молча.

Они спустились к Сергею Сергеевичу, здоровяк зачем-то ободряюще похлопал Игоря по плечу, но сам в кабинет заходить не стал, а пропал за одной из дверей коридора. Игорь уже понял, что Сергей Сергеевич отчего-то не любит стуков в дверь и вошел сразу, как и в первый раз. Сергей Сергеевич снова шарил пальцами по ноутбуку и спросил лысиной:

– Что, наслушался про черных риэлторов? Решил?

– А что, других вопросов не будет? Всяких там, кем я вижу себя в вашей компании через год или через пять лет?

Сергей Сергеевич шевельнул головой, как бы пытаясь развернуть ее в сторону Игоря, чтобы метнуть в него какой-нибудь взгляд, но развернуться так, чтобы встретиться взглядом с Игорем, у него не получилось, и он сказал только:

– Иди к Ринату в пятый кабинет, он тебе покажет, как и что.

Пятый кабинет оказалось найти легко – он единственный был обозначен цифрой. Игорь рассудил, что аура начальственного запанибратства должна распространяться на всю контору и сунулся в пятый кабинет без стука, но тут же откуда-то справа, из-за стеллажа с папками, услышал вопрос, не учили ли его стучаться. Огорошенный замечанием, он не сразу удивился тому, что пол пятого кабинета покрыт не линолеумом, а паркетом и что дверь пятого кабинета, в отличие от остальных дверей – обычных деревянных, покрытых масляной краской, – сделана под евроремонт. Помимо стеклянных стеллажей и паркета в кабинете были также вполне современный компьютерный стол и вертящийся стул с подлокотниками, окна оказались пластиковые, невидимый кондиционер нагонял в кабинет теплый сухой воздух.

– Я от Сергея Сергеевича, – сказал Игорь стеллажу.

Из-за стеллажа выскользнула подобная самому Игорю канцелярская крыса, даже вроде бы одного с Игорем возраста, разве что сам Игорь был в костюме-тройке, а канцелярская крыса в таком же, как у Игоря Васильевича, синем комбинезоне,

только чистом и лучше подогнанном по размеру, чистой синей рабочей курточке, а под комбинезоном и курточкой крысы виднелись белая рубашка и синий, в цвет комбинезона, галстук. Вместо брезентовых ботинок – какие-то берцы с белыми шнурками, и если бы не золотой держатель для галстука, Ринат напоминал бы советского инженера-проектировщика в третьем поколении.

– Ринат Иосифович, – представился новый знакомый. – Ринат, – повторил он, особенно надавливая на звук «и», в то время как Игорь невольно представился в ответ и попытался вообразить, при каких обстоятельствах родители отца Рината Иосифовича, пытаясь польстить загсу и вождю народов, нарекли сына Иосифом. В целом Ринат понравился Игорю своей аристократической бледностью, ботанической выправкой, цепкими татарскими глазами на славянском лице и тем, как прямоугодно выпирала сигаретная пачка в кармане его комбинезона.

– Сергей Сергеевич сказал, вы введете меня в курс дела, – сказал Игорь, и Ринат Иосифович деловито кивнул, не делая попыток перейти на ты, чем стал Игорю еще более симпатичен, махнул рукой с обручальным кольцом, приглашая следовать за собой, и скользнул за стеллаж.

За стеллажом стоял огромный, в человеческий рост, сейф, в замке которого Ринат Иосифович шумно поковырялся вынутым неизвестно откуда ключом. Из недр сейфа был извлечен еще один ключ с болтавшейся на нем бумажной биркой с цифрой «8» и две печати – одна круглая, другая прямоугольная, подушечка для печатей, снизу которой чем-то красным, вроде бы лаком для ногтей, был начертан еще какой-то номер. Игорь уже протянул руки, чтобы принять это все во владение, но Ринат Иосифович протестующе побряхтел:

– Под роспись, под роспись, – и они пошли обратно к столу Рината Иосифовича, так что Игорю стала непонятна манипуляция с заманиванием его к сейфу.

Ринат Иосифович выкатил откуда-то еще один вертящийся стул, посадил Игоря сбоку от стола, достал из-под столешницы бумажку и шариковую ручку, а на вопросительный взгляд Игоря сказал, будто умственно отсталому:

– Заявление о приеме на работу, все, как положено. На имя Сергея Сергеевича Веретнина.

– А в пункте «место работы» что писать? – спросил Игорь.

- Пишите «отдел», - ответил Ринат Иосифович, как вдохновением захваченный процессом вынимания из стола и из стеллажа канцелярских книг и складыванием их возле заполняемой Игорем бумажки.

- А должность какая? - спросил Игорь.

- Пишите «оперативник».

Когда Игорь составил заявление и сказал «всё», Ринат Иосифович взял бумажку за угол двумя пальчиками, бегло посмотрел на нее, сказал:

- Дата, подпись, - и сунул Игорю обратно.

Игорь вернул заявление с датой и подписью, Ринат Иосифович опять взял его двумя пальчиками, снова бегло посмотрел, недовольно морщась почерку Игоря, как учитель начальной школы, и опять сунул обратно.

- «Отдел» нужно с маленькой буквы и в кавычках, - Игорь начал исправлять большую букву на маленькую и попытался пририсовать кавычки, в ответ на эти ухищрения лицо Рината Иосифовича перекошилось, он выдернул бумажку прямо из-под шариковой ручки и сунул Игорю новый листок: - Лучше перепишите.

За подписью к Сергею Сергеевичу Игорь пришел уже взмокший, прохлада в кабинете главного казалась ему живительной. Сергей Сергеевич угадал состояние подчиненного по лицу, которое Игорь загнуто вытер пиджачным рукавом.

- Укатал тебя наш татарин.

Ринат Иосифович рассмотрел подпись и печать Сергея Сергеевича так придирчиво, словно Игорь мог подделать их в коридоре или Сергей Сергеевич мог поставить их как-то не так.

- Ладно, - с непонятым Игорю разочарованием сказал Ринат Иосифович, убирая заявление в стол, - теперь давайте фотографии для удостоверения. Вы ведь сделали фотографии? Теперь пойдете принимать кабинет, вот только распишитесь за ключ, печати и штемпельную подушку.

Игорь думал, что прошел все семь кругов канцелярского ада, когда переписывал заявление пять раз подряд, но по сравнению с принятием кабинета номер восемь заявление показалось разминкой.

В кабинете номер восемь было очень мало предметов: шаткий желтый лакированный стол, подобный столу Сергея Сергеевича; на нем – клавиатура, настолько грязная, будто на ней резали мясо, и компьютерная мышь залапанная, как дверца общественного туалета; принтер, системный блок и старенький монитор с экраном чуть больше почтовой открытки выглядели не лучше. На окне кабинета Игоря висели светло-зеленые шторы, у Сергея Сергеевича Игорь таких не заметил, зато не было вымпелов и кубков, стеклянный шкаф у стены пустовал. Были еще стулья, телефон, бюстик Чайковского, коврик возле двери. Казалось бы, передача этих немногих предметов во временную собственность Игоря не должна была занять много времени. Сначала все пошло действительно очень бодро, как будто даже не в манере Рината Иосифовича; Игорь успел расписаться за шторы, шкаф, бюстик, коврик, но уже на компьютерной мыши, названной в одной из канцелярских книг Рината Иосифовича «Манипулятор типа “мышь”, производитель “Леново” инвентарный номер “715”», возникла некоторая заминка. Производителем мыши оказалась не «Леново», а «Хьюлетт-Паккард», а инвентарного номера на ней и вовсе не было.

Ринат Иосифович настоятельно попросил Игоря никуда не уходить, вырвал мышь из гнезда и ушел минут на пятнадцать, затем вернулся вроде бы с той же мышью, но уже какой-то более удовлетворенный.

– Тааак, – сказал он и, по-кошачьи щурясь, стал листать одну из своих канцелярских книг. – Есть еще два стула.

– На одном пики точёные? – едва слышно пробормотал Игорь и осекся под взглядом Рината Иосифовича, который перестал быть кошачьим, а стал очень внимательным.

– Что? – спросил Ринат Иосифович. – Со стулом что-то не так?

– Нет-нет, я так просто, – сказал Игорь.

У стульев оказались не те инвентарные номера, и Ринат Иосифович, схватив оба, опять скрылся, оставив Игоря, который безнадежно присел на угол стола. Вернулся Ринат Иосифович опять же с двумя стульями, правда, на этот раз они оказались лучше и чище прежних. Дальнейшая сверка с канцелярией показала, что в кабинете Игоря не хватает настенных часов, и, принесенные и подвешенные на место, а именно над дверью, они показались Игорю удивительно похожими на часы из кабинета Сергея Сергеевича. Несколько раз Ринат Иосифович срывался с места, как гриф с пустынных высот, пропадал и приносил в Игореву логово что-то новенькое, а именно: ведро с красными масляной краской написанными буквами «М.?Т.» на боку, чугунное пресс-папье, желтый от времени графин и граненый стакан, швабру, как бы сплетенное из пластмассы мусорное ведро.

Когда Ринат Иосифович сунулся к окну, Игорь испугался, что тот начнет пересчитыватьдохлых мух в оконной раме и приносить недостающих, но Ринат Иосифович нашел там гранитную пепельницу, успокоился, дал Игорю расписаться в ее получении и тут же закурил. Игорь жадно втянул чужой дым ноздрями, но Ринат Иосифович оставил это его телодвижение без внимания, хотя видно было, что он его заметил. Игорь перехватил его скошенный в сторону выхода задумчивый взгляд, там, на дверной ручке, болтался, будто перегрызенный, обрывок веревки.

– Мне собаки служебной не полагалось? – спросил Игорь, пытаюсь связвить, и кивнул головой в сторону веревки.

– Нет, не полагалось, – рассеянно сказал Ринат Иосифович и очень серьезно посмотрел Игорю в глаза: – Вы будьте внимательнее. Они готовы все помещение по кирпичикам растаскать. Они способны две пачки сигарет за день пострелять, я как-то чисто из академического интереса посчитал. Сейчас пойдем спецодежду получать, два комплекта, вы с ней аккуратнее, это на год и ботинки тоже на год.

– Вот, – говорил он спустя несколько минут, уже внизу открывая каморку с надписью «Слесаря», здесь ваш шкафчик, видите, цифра «восемь», вот ключ от него, здесь распишитесь, ага. Оружие вы все время с собой таскать не сможете, только перед операцией, только под роспись, но вы и не похожи на того, кто в этом потребность испытывает, вы, кстати, вообще, стрелять умеете?

Игорь не успел ответить, как ему под нос была сунута книга по технике безопасности, в которой он, не вчитываясь, как под гипнозом, расписался.

– Теперь умеете, – сказал Ринат Иосифович.

– Значит так, – инструктировал Ринат Иосифович, когда они опять вернулись в восьмой кабинет. – Вот эта печать, – он, как погремушкой, тряс круглой печатью у Игоря перед носом. – Этим заверять протокол допроса, если вас до него допустят, а этим, – он опять тряс печатью, но на этот раз прямоугольной, – детали операции, а вот это, – он тряс картонкой, похожей на игральную карту, – ваш логин и пароль от компьютера, логин и пароль менять не нужно, возьмите и не потеряйте. Печати убирайте в этот ящик стола, он запирается, держите ключ, – и он протянул очередной ключ с биркой.

– Если монитор кажется вам маленьким, несите из дома свой, флешек из дома носить не нужно, из дома можно носить все, отсюда уносить ничего нельзя. Вот распишитесь, что согласны с этим.

Когда Игорь остался один, он несколько минут сидел лицом ко входу, все время выглядывая из-за монитора. Смотреть на болтающийся на дверной ручке обрывок веревки ему не улыбалось, и он поставил стол так, чтобы сидеть спиной к стеклянному шкафу у стены, чтобы окно было слева, а дверь справа. Устаканив себя таким образом, он сел перед компьютером, даже не пытаясь включить его, и какое-то время просто приходил в себя после бури, которую устроил вокруг него Ринат Иосифович.

Он чувствовал себя так, будто его стремительно прогнали через все позы канцелярской Камасутры, ощущение усталости во всех мышцах смешивалось с ощущением непонятого удовлетворения во всем организме.

Игорь еще не вышел из этого состояния, когда к нему без стука опять заглянул Игорь Васильевич.

– Ты домой собираешься или, как Фил, будешь здесь ночевать?

Они вместе посмотрели на настенные часы, которые показывали полседьмого.

– Не подкинешь меня? Я тут недалеко живу, – опять сказал Игорь Васильевич. – А то моя машинка в ремонте, отдал каким-то алкашам местным, они ее уже неделю ковыряют, меня уже все возили, ты еще нет. Только подожди меня под шлагбаумом, пока я переоденусь.

Игорь не мог представить здоровяка ни в чем другом, кроме этого обшарпанного комбинезона и обшарпанных ботинок, отчасти именно это обещание и любопытство, как же выглядит коллега в своей повседневной одежде, убедили его остаться в машине возле шлагбаума и подождать. Ожидание Игорь скрашивал руганью с женой по телефону, количество пропущенных вызовов от которой он даже не стал глядеть, чтобы не расстраиваться заранее.

Получилось и правда неловко, очень взвинченным тоном жена поведала Игорю, как ей позвонили на работу, как она спешила через пробки, чтобы забрать сына из детского сада, как воспитатель притворялась, что ничего не случилось, но готова была сожрать жену Игоря на месте. Она очень расстроилась, когда узнала, что муж опять подался во внутренние органы.

– Ты опять с этими мудаками связался, – сказала она. – Тебе мало одного раза. Тебе мало, что остальные уже по двое детей имеют, одного старшекласника и одного маленького, я как старая дева выгляжу среди подруг, которая напоследок что-то отхватила. И вообще, ты скоро домой собираешься?

– Как только, так сразу, – сказал Игорь.

– О, вот, прекрасно, узнаю старые времена. Где был, что делал, говорить нельзя, что у меня происходит – слушать не хочешь, чего ты вообще хочешь-то?

Она так завелась за несколько часов молчания Игоря, что проносилась упреками через всю их совместную жизнь туда и обратно, словно играла на ней гаммы. Когда Игорю становилось совсем уж тоскливо от ее упреков, он откладывал телефон на соседнее сиденье, слушал, как нечленораздельно попискивает динамик, бессильный донести до него слова жены, и смотрел, как на лобовом стекле копятся капли полудохлого дождя. Затем, догадываясь по шуму того же динамика, что жена спрашивает его о чем-то, он опять брал трубку, говорил в нее нейтральное «да, да» и опять клал телефон на соседнее сиденье. Наконец, увидев появившегося на горизонте Игоря Васильевича, сказал:

– Извини, дома уже поговорим как следует, сейчас правда некогда, – и сбросил звонок. Несколько секунд он опасался, что за год его бездействия жена могла научиться игнорировать все эти «извини, мне некогда», могла позвонить снова и продолжить свой монолог на еще более повышенных тонах, но телефон молчал. Пока здоровяк шагал по глине в его сторону, Игорь, чтобы не искушать судьбу, успел набрать эсэмэску: «Я перезвоню, когда освобожусь». И, временно успокоенный этим своим тактическим матримониальным ходом, сунул мобильный телефон в нагрудный карман пиджака.

От влезавшего в машину здоровяка не ускользнуло это движение, он понимающе показал Игорю свою окруженную мимическими складками улыбку, состоявшую из ровных зубов, как бы высаженных в десны с равным промежутком в миллиметр между ними.

– Поругался? – спросил здоровяк и ткнул Игоря пальцем в бок. – Она у тебя хохлушка, нет?

– Да нет, вроде из Сибири у нее отец с матерью, – ответил Игорь.

– А моя хохлушка была, – сказал Игорь Васильевич, подстраивая сиденье под себя и протягивая ремень безопасности через свою обширную грудь, напоминая этим почему-то революционного матроса с пулеметной лентой. – Она и руки распускала, пользовалась тем, что я сдачи дать не могу – я ведь сразу убью на хер. Меня спасало только то, что она до головы до моей не дотягивалась – так, все в туловище колотила. Ну что, поехали.

В быту Игорь Васильевич носил серый костюм, пиджак которого он не застегивал ни на одну пуговицу, белую рубашку без галстука и желтые ботинки из матовой кожи. Этот приличный наряд не делал самого Игоря Васильевича приличнее, и костюм и ботинки все равно сидели на нем, как комбинезон и брезентовые боты, поэтому, когда Игорь Васильевич достал из кармана футляр и напялил на нос очки в тонкой оправе с прямоугольными стеклами, Игорь едва не рассмеялся. Желание смеяться, впрочем, у Игоря пропало, как только он увидел, сколько глины натащил в салон Игорь Васильевич на своих ботинках.

Сначала их дорожный разговор как-то не заклеился.

– Да, кстати, – начал было Игорь Васильевич, вытащил из кармана красные корочки и отдал их Игорю. – Не потеряй, – сказал он.

Но Игорь только кивнул в ответ и спрятал корочки в нагрудный карман.

Потом, видно от скуки, здоровяк стал шарить глазами по салону и обнаружил сзади детское кресло:

– Сколько лет? – спросил он.

– Шесть, – коротко ответил Игорь.

– Один? – спросил Игорь Васильевич, на что Игорь только вздохнул в ответ, и они опять замолкли на какое-то время, качаясь на кочках промзоны, куда их обоих угораздило попасть работать.

Игорь косился на Игоря Васильевича и вроде был не прочь поговорить, но темы, которые поднимал здоровяк, не могли не исчерпаться парой фраз. Что мог ответить Игорь на вручение корочек? Произнести торжественную речь? Как он мог ответить на вопрос о ребенке? Спросить, есть ли у Игоря Васильевича дети? Тот бы ответил что-нибудь про старшего сына раздолбая или дочь, которая тянет деньги на тряпки. Можно было спросить про внуков, тем более в машине, вблизи, Игорь разглядел, что здоровяк похоже одного возраста с Сергеем Сергеевичем, а тому уже явно больше пятидесяти, но внуки бывают очень больной темой. Бывает, что их не заводят, или бывшая жена не дает встречаться с детьми и внуками, или, что еще хуже, они есть, и есть их фотографии в кошельке, а еще хуже, в телефоне, и там же видеозапись, и все это нужно просмотреть и следить при этом за дорогой.

– Тут всегда пробки, – предупредил Игорь Васильевич, – давай в объезд, налево.

Игорь послушался здоровяка, но на том пути, каким они поехали, сломался трамвай, машины, пытавшиеся его объехать, перегородили трамвайные пути, так что встречные исправные трамваи не могли проехать и выстроились в очередь, как и те, что выстроились за неисправным и перекрыли дорогу окончательно. Среди бензинового и газового пара, среди психованно перекликающихся автомобильных гудков, в гуще беспомощного автотранспорта ковырялся озабоченный, мокнувший регулировщик.

– Все бы отдал, чтобы вот так же, на спокойной работе, – кивнул на регулировщика Игорь Васильевич.

– Так вроде бы все спокойно у нас, как мне показалось, а что, бывают сильные запарки? – спросил Игорь.

– Скоро обещается бурный денек и бурная ночь, – сказал Игорь Васильевич. – Ты жену предупреди, что тебя не будет.

– Ага, «предупреди», может, сейчас позвонить и сказать, – усмехнулся Игорь.

– А, ну да, ну да, – тоже усмехнулся Игорь Васильевич, – я уже подзабыл слегонца, как это бывает. А-а-а, опять, опять тебя не будет, тебя уже дети только по фотографии узнают.

– Нет, ну не до такой степени, – возразил Игорь, – у нас до такого не доходит, да и не доходило, но некоторое напряжение, конечно...

– Некоторое напряжение, – зачем-то повторил за ним Игорь Васильевич. – Тут такое иногда творится, я прихожу домой и радуюсь, что никого дома нет, что никто не спрашивает, как дела, потому что дела на самом-то деле хреново всегда.

– Так жестко все? – несколько напрягся Игорь.

– Нет, ну это все, конечно, зависит от того, где ты раньше работал. А я знаю, где ты раньше служил, поэтому думаю, что все это тебе покажется жестковатым. С другой стороны, многим бумажная возня кажется невыносимой, более даже невыносимой, чем в поле работать, а у тебя тут все в порядке должно быть.

– А почему ты вообще не уволился? – спросил Игорь. – Тебе вроде бы по возрасту можно уже.

– Я идейный, – сказал Игорь Васильевич, но улыбнулся так, что неясно было – шутит он или нет.

Игорь мрачно задумался, мрачность усиливалась еще и тем, что они углубились в пробку, а какой-то хрен на машине сзади раздражался видом багажника или номерного знака автомобиля Игоря и то и дело давил на сигнал. Чтобы отвлечься, Игорь включил радио.

– Да ты не грейся, – угадал его телодвижения Игорь Васильевич, – если бы ты не подходил, тебе бы не позвонили. Тебя основательно проверяли, за тобой даже следили. Я тебе больше скажу, я тебя знаю лучше, чем ты сам себя знаешь, я тебя выбрал, точнее, мы с Сергеем Сергеевичем. Ты ведь достаточно уравновешен, ты, может, сам не знаешь, насколько ты спокойный – как удав. Конечно, ты любопытный, но это не большой недостаток. Отчасти это даже достоинство. Если тебе интересно, что происходит, значит, ты будешь ответы искать, возможно, ты даже их найдешь, может быть, даже ответами этими с нами поделишься.

Игорь даже не заметил, как закурил, видимо, он достал сигарету, когда услышал, что за ним следили.

– Я так понимаю, что информации мало даже наверху, – сказал Игорь Васильевич. – Это заметно, когда наверху мало знают, они тогда еще больше тумана напускают. Фух, охота тебе бензином дышать, закрой окно, я лучше пассивным курильщиком буду.

Игорь послушно закрыл окно.

– Ты статистику изучал? – спросил Игорь Васильевич.

– Мне никто статистику еще не давал, – сказал Игорь.

– Ты не так понял, – поморщился здоровяк, – вообще, статистику как науку.

– А, в этом смысле. Ну, в институте вроде преподавали, только это когда было-то, больше десяти лет назад. Да и непрофильным чем-то считалось, типа философии, английского.

– Ну понятно, – грустно вздохнул Игорь Васильевич. – Но ты ведь хоть и после перестройки учился, но до этого дурдома? Не так, как сейчас учат этих лопухов

малолетних: какой-нибудь менеджер двух слов грамотно написать не может в явке с повинной? Или эти с пятерками по русскому языку, которые по-русски вообще не говорят.

– Так ведь если вы меня изучали... – начал было Игорь.

– Да это риторический вопрос был, я такими до смерти тебя заговорить смогу, это возрастное, наверно.

Водитель сзади продолжал то и дело гудеть. Игорь Васильевич несколько раз сказал: «Да что же это такое?» Когда Игорь, для того чтобы выбросить окурочек, опустил стекло, а сосед сзади прогудел еще раз, через открытое окно звук этот достиг ушей Игоря Васильевича особенно отчетливо, здоровяк вздохнул и шустро вылез наружу. Освобожденный от его тяжести автомобиль облегченно качнулся.

Игорь Васильевич подошел к машине раздражительного автолюбителя и произвел возле его окна какие-то манипуляции, слабозначимые для Игоря в уже наступившем мраке, свете фар и уличных фонарей.

– Даже корочками не пришлось светить, – вздохнул здоровяк, опять нагрузив собой машину Игоря. – Хватило одного вида моей мрачной будки. Вот такой, – он изобразил сумрачное лицо, Игорь невольно улыбнулся тому, что это выражение не было состроено по его поводу.

Они проваландались в этом заторе еще минут сорок и, хотя водитель сзади унял свое раздражение, Игорь Васильевич периодически поглядывал назад и чему-то ухмылялся. Игорю не нравилось это, как ему казалось, глумление над поверженным противником, но он молчал.

– Ладно, спасибо, хотя я бы пешком, наверно, быстрее добрался, зато в тепле, – сказал Игорь Васильевич вместо прощания, когда в спальном районе, неподалеку от обычной пятиэтажки, освобождал салон от своего тела.

Игорь пожал ему руку, подумал, стоит ли возвращать пассажирское сиденье в прежнее положение, но не стал с этим возиться, а сразу же позвонил жене.

– Купить чего-нибудь? – спросил он озабоченным голосом, притворяясь, что у него только что был серьезный разговор, чтобы скрыть виноватые ноты, которые только завели бы жену в новый скандал.

За то время, что ей было запрещено звонить, жена, видно, перекипела, обзвонила всех – от подруг до матери – и как-то поуспокоилась, потому что теща в общем-то хорошо относилась к Игорю, и распад их семьи был ей не нужен – она хотела еще наладить свою семейную жизнь после смерти тестя, и внук, сплавляемый бабушке ссорящимися дочерью и зятем, путал бы ей карты в амурных делах. Теща, возможно, была даже довольна, что Игорь вернулся в органы, ей нравилось «пробивать по базе» всех своих потенциальных ухажеров, прямо она этого дочери не говорила, находила другие слова, покрасивее, но на дочь они действовали успокаивающе.

– Ты скоро там? – спросила жена надтреснутым вечерним голосом, каким она всегда говорила, когда уже намазывалась кремами, потому что идти было уже некуда, ничего не нужно было уже готовить, а в гости к ним никто не собирался.

– Да скоро, скоро, минут через пятнадцать буду, – сказал Игорь. – Купить ничего не надо, говорю?

– Ну, йогурт какой-нибудь купи, не знаю, мелкому. А лучше просто домой иди.

Это было сказано настолько мирным голосом, что Игорь напрягся, чую засаду, но на всякий случай решил поторопиться. Консьержка в подъезде посмотрела на него осуждающе, как будто была уже в курсе, сын в своей комнате сидел за компьютером в наушниках, как бы готовя себя к очередной родительской ругани и собираясь в случае чего добавить звук на полную катушку и не слышать, как они обмениваются упреками в зря проведенных совместных годах. Но жена встретила Игоря, в общем, радушно, а не сидя в гостиной перед телевизором, или не сидя в спальне за ноутбуком, или не сидя в кухне за стаканом вина со скептическим взглядом, направленным на холодильник. Она вышла его встречать, мягко ступая в тапочках, они даже поцеловались, она сказала: «Фу, ты мокрый, когда успел», а Игорь ответил: «Да там хлещет».

Пока он раздевался и разувался, жена спросила:

– Что за место-то хоть, ничего?

– Я сам пока не разобрался, – сказал Игорь. – Но так вроде ничего, правда, все занюханное там, знаешь, такой офис в стиле соцреализма.

– С бюстиком Дзержинского? Или с портретом?

– Да нет, там бюстик Чайковского у меня в кабинете почему-то.

Жена хихикнула, сын, краем глаза увидевший свет в прихожей, выглянул из комнаты, с легким опасением разглядывая обоих родителей (Игоря кольнула совесть), подошел, обнял Игоря за ноги и спросил:

– Ругаться вы не будете?

– Не будем, не будем, – сказала жена.

Сыну хватило этого обещания, чтобы тут же забыть об отце и в некоторой спешке уйти обратно, к экрану, где что-то происходило.

Когда Игорь принимал душ, жена стояла и смотрела на него каким-то странным взглядом, так что Игорь даже спросил, что это она так смотрит.

– Я просто думаю, не такой уж плохой год был, пока ты себя искал, типа, – вздохнула жена.

Игорь опасливо посмотрел на нее сквозь воду, стекавшую со лба, и не нашелся, что сказать на это. Лишь отметил про себя, что курить она бросила сразу, как только узнала, что беременна, но до сих пор стояла возле раковины так, как делала еще в институте, в общажной кухне: опершись копчиком на раковину, скользя тапочками по кафелю и поминутно перебирая ногами, чтобы совсем не соскользнуть на пол, а пальцы поднесла ко рту. На ум Игорю пришла, конечно, фраза «Ты знала, за кого выходила», но он уже произносил ее раньше, и ничего хорошего из этого не получалось. Он так часто злоупотреблял этой фразой, что если герой какого-нибудь фильма произносил ее, жена могла начать ругаться (и что интересно, в самом фильме, параллельно, жена главного героя тоже начинала скандал после таких слов).

– Мне даже нравилось, какой ты был пришибленный, как котенок, – сказала жена.

– Ну, знаешь, мне не очень нравилось быть пришибленным, – спокойно ответил на это Игорь. – Это ужас какой-то был. Не совсем кромешный ужас, но неприятно было болтаться не при делах. Ты еще крысилась иногда, как не знаю кто, как сегодня вот.

– Да ладно тебе, крысилась, – не обидевшись, сказала жена.

– Давай, списывай все на пэмээс, – предложил Игорь.

– А почему бы не списать? У тебя зато первое время после увольнения такие перепады были, куда там до пэмээс, прямо климакс какой-то, а теперь, смотри, как и не увольнялся. Даже позвоночник как будто выправился обратно, – она полезла к нему и поскребла его по спине между лопаток.

– Ага, и жопа обратно выросла, – сказал Игорь, – буду опять табуреты собой ломать.

– Нет, ты все-таки расскажи поподробнее, – попросила жена, когда умытый и высушенный Игорь переместился в кухню и стал поедать свой ужин. – Интересно же, кто там, как. Вот ты говорил, что когда уволили – ужас был, а там не будет такого же ужаса, но уже на работе?

– Я пока точно не знаю, будет ужас или нет. Ты прямо... Ты на кого работаешь, вообще?

Жена засмеялась.

– Нет, ну правда, – сказал Игорь, – меня же только-только взяли, я всего несколько человек видел, что я могу рассказать?

– Ну, расскажи, кто там главный у вас, молоденький? Мне нравится, когда молоденький, а уже в звании, и его старперы вроде тебя терпят. У нас такой менеджер в соседнем отделе был, сын главного, ох как всякие пенсионеры психовали.

- Это который грибов нажрался и в окно вышел?

- Ну да, ну да, этот, но все равно.

- Нет, тебе бы главный не понравился, он на твой вкус староват, - сказал Игорь. - Он еще и толстый.

- Фу, - ответила на это жена.

- Он реально очень крупный такой кабанище, - сказал Игорь.

- Еще и лысый небось, - угадала жена.

- Ну, так не разобрать: лысый, бритый, - Игорь показал лицом, что он не специалист в парикмахерском искусстве. - Но вроде лысый, как-то органично его лысина сочетается с его толстотой. А еще он, прикинь, в спортивном костюме на работе. Только, знаешь, золотой цепи на шее не хватает и перстней с наколками.

- Ага, - сказала жена. - И наколотых перстней. А секретарша у него?

- У него нет секретарши, он, похоже, сам себе секретарша, - Игорь помедлил, ожидая, пока шутка оформится в его голове и добавил: - Во всех смыслах этого слова.

До жены не сразу дошел смысл сказанного, но она с готовностью улыбнулась, услышав в голосе Игоря юмористическую интонацию, а когда шутка до нее дошла, жена улыбнулась еще раз, но уже искренне. Только после этих ее улыбок Игорь почувствовал, что вернулся, наконец, домой, потому что до этого все было каким-то пограничным. До этого ему казалось, что он в какой-то разведке на оккупированной территории. Лампочки в гипсокартонном потолке, ввинченные по периметру, засветились с теплотой елочной гирлянды, хотя и гипсокартонный потолок, и эти лампочки жена выбивала в семейном споре перед ремонтом какими-то жуткими оскорблениями (Игорь хотел круглый светильник, одиноко свисающий с потолка), и каждый раз, глядя на эти лампочки, Игорь чувствовал себя проигравшим. И кухонные шторы, которые они выбирали вместе всей семьей, но купили те, что решила жена, не вызвали в

Игоре коробящих его воспоминаний, а показались даже симпатичными. Да и сама жена, без косметики, вечерняя, с собранными в хвост на затылке волосами, казалась роднее и проще. Игорь вдруг вспомнил, как бесили его в подростковом и юношеском возрасте собственные родители с этими их вечерними посиделками на кухне и бессмысленными разговорами и спорами, бесил отец, сидящий за столом в трусах и голубенькой майке, подпираемой изнутри небольшим пузом, и обнаружил себя самого, сидящим в одних семейниках, обсуждающим начальство и отпускающим по его поводу довольно-таки глупые шуточки. Словно в ответ на его мысли, как-то по-особенному потопывая, появился сын и попросил чего-нибудь поесть.

- Суп ведь ты не будешь, - сказала сыну жена.

- А йогурта нету никакого? - спросил сын.

- Какие тебе йогурты, ты уже в майку не влезаешь, - ответила на это жена.

- Да она просто ему мала уже, - сказал Игорь, поглядев на сына, у которого между пижамными штанами и нижней кромкой майки действительно наблюдался просвет в пару сантиметров.

Сын подтянул штаны, и жена сказала на это:

- Давай-давай, ты до подмышек собрался подтягивать? Может, чаю попьешь? - сын согласно покивал.

- Давай, рассказывай дальше, - сказала жена, взясь возле сына.

- Он, знаешь, старой закалки, ну, понятно, он ведь еще в Советском Союзе начинал, то ли с гэбэшными, то ли с армейскими замашками, потыкал меня носом в мое дело, конечно. Так что пришлось немножко пообтекать. Он все с подколками намекал, что это не должно повториться. Мне это вообще нравится: все такие честные лица делают, и никто как будто ничего не знает, но все ведь знают, как было, и все знают, что я вижу, что они знают. Ну, мы на эту тему уже...

Сын смотрел на Игоря из-за края кружки, и видно было, что хотел что-то спросить, но его могли выгнать из кухни, а послушать, о чем говорят родители, ему пока было интересно, поэтому спросить он не решался.

– Второй еще есть, тезка мой, – сказал Игорь, – на вид типа Валюева. Этот как будто из театра – играет резонера. Даже непонятно, что в нем не так. Он такой соответствующий своему образу. Правду-матку режет и про себя, и про других, в движениях уверенный. Шутит грубо. Но такое чувство, как будто пригласили актера из ТЮЗа сыграть антагониста начальству – вот он и чешет по роли, в которую вжился. Импровизирует. Но в целом производит впечатление нормальное.

– У нас Сережка такой, – встрял сын. – Он решил, что он Бэтмен, и хочет, чтобы его все «Бэтмен» звали, а его все равно Сережкой зовут.

– Иди, иди отсюда, – погнала сына жена. – Уши он тут свои... Выпил свой чай – иди. А то потом будет...

– Потом еще татарин есть, он вроде бухгалтера и завхоза, – продолжил Игорь, когда за сыном стукнула дверь. – Этот вообще кадр, но основательный, если бы там все такие были, как он, да и вообще, везде такие, как он, были, и бардака бы такого повсюду не было бы. Ну представь, татарин с немецкими замашками, я бы даже сказал нацистскими, ему только формы не хватало.

– Ой, ну не надо, татарин с немецкими замашками, да еще и завхоз и бухгалтер, про это фильм есть «Совершенный человек», – пошутила жена.

– Нет, ну реально, – сказал Игорь, убеждающее приложив руку к сердцу. – По моему, там на нем вся материальная база держится. Он прямо как постигший бухгалтерский дзен выглядит. У него у одного кабинет нормально отремонтирован. От него одного шорох по всему заведению стоит. Он бы тебе понравился.

– Только не начни у этого гуру, как в прошлый раз, бухгалтерскую отчетность копать, – сказала жена.

– Даже если доберусь, вряд ли что найду, – убежденно сказал Игорь. – По его уверенной морде видно, что хрен подкопаешься, у него, скорее всего, какая-то

чистейшая схема есть, безупречная, видно же, что он не дурак и не просто так пользуется положением. Там явно не в должности дело, а в чистоте документов.

– Вот нравится мне, когда у тебя так глаза начинают блестеть, – сказала жена. – Вроде ничего хорошего это не обещает, а все равно симпатично, как у Мишки, когда он грипповал в четыре года.

– А мне вот не совсем это нравится, – ответил Игорь. – Так что если заметишь, сразу пресекай.

– А с девушками у вас как на новом месте? – спросила жена.

Этот вопрос возникал постоянно еще с первых дней их брака, когда-то тема была очень острой, потому что жена по опыту собственных родителей считала, что все мужчины только и думают, как сходить «налево», и ревновала ко всему, к чему только можно, самой нездоровой ревностью. Но со временем вопрос стал каким-то обыденным, Игорь не подтверждал ее подозрений, и это отсутствие ревности Игоря даже обижало, ему казалось, что раньше жена еще питала относительно него какие-то надежды, но в настоящее время полностью убедилась, что он рохля.

– Там, по-моему, совсем нет женщин, – сказал Игорь, – и не было похоже. Потому что обычно какие-то следы остаются после вас. Допустим, плакат на Восьмое марта где-нибудь валялся бы, или бутылка из-под мартини где-нибудь стояла – хоть что-то было бы. А там этого нет. Не знаю, может, специально так коллектив подобрали.

– Может и специально, – признала жена. – У нас вот коллектив наполовину мужской, наполовину женский, но между женщинами терки вечно какие-то, разговоры непонятные, обиды. Я иногда смотрю сериал, тот же детективный, где герои пополам такие, пополам сякие, и удивляюсь, какие у них сугубо деловые отношения. Компьютерщицу загнобили бы остальные бабы за ее цветные тряпки и пальцем у виска крутили, сколько бы докторских степеней у них ни было при поступлении в фэбээр.

– Это да, – улыбнулся Игорь. – Помнишь, у вас сисадмин приперся на корпоратив в футболке с конями, сколько они ему это вспоминали?

– Они ему этих розовых лошадей до сих пор припоминают, причем не в глаза, а так, считают его придурком за спиной у него. Ну, так-то он правда придурок, зажатый какой-то, хотя почти под тридцать, с мамой еще живет, как маньяк.

Сам Игорь не считал сисадмина маньяком, но покивал, хотя идея пожить с мамой, а еще лучше одному, холостой жизнью хоть какое-то время ему в принципе была симпатична.

– Это вообще не вполне нормально, по-моему, – продолжила жена. – Он ведь гораздо умнее многих наших гусей, которые тачки и жен меняют. Но класть свой ум на алтарь тупорылой скромности, может, считать себя умнее других, втайне радоваться их идиотизму (я, например, дура полная в компьютерах) – это у него точно что-то нездоровое. Опять же этот корпоратив, ему ведь мать стала в десять названивать, где он и как, и судя по его лицу несчастному, она ему небось угрожала своим сердечным приступом. Я бы такую мать сама подушкой давно бы задушила.

Игорь вспомнил, как она сама названивала ему днем, но никак не выдал того, что вспомнил.

– Да ты и сам такой был в начале студенчества, – сказала жена. – Просто тогда с сотовой связью были проблемы. Помнишь, твоя мать говорила, что я стерва, что рожу обязательно не от тебя ради квартиры. Помнишь?

«Насчет “стервы”, она не так уж ошибалась», – беззлобно, со скошенной улыбкой подумал Игорь, а сам сказал:

– Нет, ну мне-то она в глаза этого не говорила, так, шушукалась с сестрой и отцом, отец, кстати, за тебя был. Твоя мать тоже считала бог знает что. Что ты залетишь, а я тебя сразу же брошу. Тоже думала, что все из-за квартиры и из-за дачи, огорода этого бабки твоей. И звонили тебе тоже, боялись, что я тебя не на свидание повел, а сдавать в бордель или на органы.

Они посидели и повспоминали всякое из их ранней супружеской жизни, отчего Игорю стало еще уютнее. В детстве у него была подруга во дворе, они вот так же обсуждали какую-нибудь книгу, вместе ходили в библиотеку, вместе катались на велосипедах, и от сходства того общения и теперешнего разговора жена казалась еще родней.

– Мне читать кто-нибудь будет? – крикнул сын из своей комнаты. – Или у вас там романтика?

– Ох, точно, вот мы следим за режимом, – сказала жена, перевернув к себе лицевой стороной сотовый телефон на кухонном столе. – Давай ты сегодня считаешь. А я пока серию досмотрю, а то скачала...

Сын уже сам выключил свет в своей комнате, включил ночник, укрылся и смотрел из-под края одеяла, как смотрел из-за края кружки, темными, как у жены, глазами.

– Папа, – перебил он, когда Игорь взял книгу и открыл уже было рот.

Было тихо, только долбился о жестяной карниз и о стекло несильный, но ровный дождь, еще было слышно, как забубнил телевизор в их с женой спальне.

– Папа, – повторил сын, – а ты меня сводишь на актера посмотреть?

– Какого актера? – не понял Игорь.

– Ну, ты же сказал, что у вас есть актер на работе.

– Аа, этот, да он не актер, просто похож на актера на сцене, – сказал Игорь, а сам подумал, что неплохо было бы совсем теперь не знакомить Игоря Васильевича и сына, потому что Мишка сразу припомнит Игорю Васильевичу слова, сказанные о нем в тесном семейном кругу.

– Все равно, – некапризно сказал сын, – интересно посмотреть.

– Может, и свожу, – соврал Игорь, – но там ничего интересного нет, это как у мамы на работе, такие же дяденьки и тетеньки, только тетенок нету.

– Я по телевизору смотрел, там фээсбэ террористов ловили, – сказал сын. – Ты к ним устроился теперь?

– Так я и раньше там был, только ты уже не помнишь, – сказал Игорь.

Сын повозился под одеялом, видно, движение сложной мысли не могло не сопровождаться у него телодвижением.

- Нет, раньше ты был бухгалтер, как мама, а теперь у вас уже есть там бухгалтер, - сказал сын. - Ты теперь будешь ловить?

- У меня даже пистолет, на меня записанный, есть, - похвастался Игорь. - Только я его не смогу домой приносить, его под роспись выдают, а потом забирают. Тоже под роспись.

- Жалко, - сказал сын, у которого были на пистолет какие-то планы. - А кого ты будешь ловить? Террористов? У нас же в городе, наверно, нет террористов.

- Может, есть, - нашелся Игорь. - Может, их вовремя у нас просто ловят.

Сыну понравился такой ответ, и он еще повозился, но на этот раз ничего не спросил.

- А может, вовсе и не террористов, - зачем-то сказал Игорь, глядя в его довольные глаза. - Там почти все не понимают, чем мы занимаемся. Один считает, что мы пришельцев ловим, как люди в черном.

- Уау, - шепотом сказал сын. - Он, наверно, видел уже и поэтому так думает, а ты не видел?

Игорь вспомнил Сергея Сергеевича и сказал:

- Инопланетян не видел, а вот пришельца из прошлого - да. Он у нас главный и есть.

- А как он у вас главный, если он из прошлого? Может - из будущего? Может, ты перепутал?

- Нет, он точно из прошлого, - уверенно сказал Игорь. - Он не только себя к нам притащил, но и всю контору оттуда приволок.

– А ты расскажешь, когда поймаешь?

– Расскажу, конечно, – сказал Игорь. – Только ты никому не говори, – предостерег Игорь, зная, что сын все растреплет в детском саду.

Глава 2

– Ты вот едешь с Петровичем, ты ему хотя бы раз сказал, что мы тех, кого допросили, – убиваем? – спросил Молодой Игоря Васильевича.

Это удивительное умение Молодого говорить «ты» всем подряд раздражало и изумляло Игоря, тем более что Молодой был почти подросток или производил такое впечатление своей змеевидной сутулостью и жирными русыми патлами с залезанной в сторону челочкой над прыщавым лбом. Когда он присоединился к ним в курилке на третьем этаже, доставал свои вишневые сигарки и уверенно закуривал, Игорю каждый раз хотелось дать ему подзатыльник и прогнать прочь. Но Игоря Васильевича такое поведение несколько не смущало, и этому были, видно, какие-то причины.

– Я делал ему туманные намеки, что все не так просто, – отвечал сверху вниз Игорь Васильевич.

– Ты как мой батя, он тоже туманные намеки делал, что скоро свалит, а потом оказалось, что хоп – и свалил, хоть в розыск объявляй. Кстати, объявили, а оказалось, что он не пропал, а ушел, загодя всех предупредив. Так и тут.

– Ты задолбал, честно говоря, истории про своего батю травить, – сказал Игорь Васильевич. – Я его уже лучше, чем себя, знаю.

Фил улыбался на это с подоконника возле пепельницы-ведра с засохшей известкой – сам он не курил, но ходил за компанию. Филу было где-то около тридцати, он походил на актера, играющего положительные и героические роли, но в его нынешнем положении было что-то комическое, каждую его реплику Молодой и Игорь Васильевич комментировали в контексте любви к мальчикам. Игорь все ждал, когда Фил сорвется и полезет драться или хотя бы даст по

морде Молодому, но Фил, казалось, был непроницаем для шуток и только смеялся вместе со всеми. Игорю не хотелось думать, что на самом деле творится у Фила в голове, в области настоящего отношения к тем, с кем Фил работал, и в области сексуальных фантазий.

Вот уже почти неделю они то и дело коротали рабочее время, собираясь в курилке. К ним никогда не присоединялись ни Сергей Сергеевич, ни Ринат Иосифович – первый, понятно, не курил и был тяжеловат, а второй – непонятно почему. Болтали на всякие темы, какие только приходили им в голову. Со скуки травили Молодого за любовь к компьютерным играм, обсуждали семейные дразги, новости, ютьюбовские ролики. Фил обычно располагался на подоконнике, Молодой и Игорь Васильевич облакачивались на стены возле окна, а сам Игорь упирался задом в перила и курил так, то и дело поднимаясь на одну ступеньку, чтобы подойти к ведру и стряхнуть пепел.

Этот разговор возник после обсуждения садово-огородных дел Игоря Васильевича, все заметно волновались, узнав утром от Сергея Сергеевича, что ночуют сегодня не дома.

– Ты, Петрович, не переживай, – успокоил его Игорь Васильевич. – Твое дело, можно сказать, сторона. Никто тебя кровью связывать не собирается. Не хочешь – не участвуй. Если ничего экстремального не случится, можешь даже выйти в другую комнату. Твое дело допросить. Вот и все.

– А оружие нам тогда зачем? – спросил Игорь.

– Ну, там, собака, мало ли, всякой херни хватает, – сказал Игорь Васильевич. – Один раз авторитетика какого-то местного брали, так там целую кучу народу пришлось перехерачить. Люди же разные бывают. Но в основном алкаши да наркоманы, так что особо не грейся. Пускай главный греется и Ренат, что мы что-нибудь там из инвентаря потеряем.

– Что-то я все равно нагрелся, – признался Игорь и наткнулся на искреннюю улыбку Фила. – То есть просто берем и убиваем?

– Да, просто, – сказал Игорь Васильевич. – Советую, кстати, поспать, у тебя работа нудная, можешь носом начать клевать.

– Первый раз вряд ли заключает, – уверенно сказал Молодой. – А вот если несколько вызовов подряд, то и я начинаю путаться.

Игорь послушно спустился в комнату отдыха на первом этаже, где обычно обитал Фил, лег на диванчик, но вместо того чтобы уснуть, переводил взгляд то на холодильник «Юрюзань» в углу, то на стол со стопкой чистых тарелок и рядом граненых стаканов, в один из которых был воткнут букет из алюминиевых ложек и вилок, то смотрел на серый чуть выпуклый экран выключенного древнего телевизора. У него не шла из головы история двухлетней давности, когда обычного понтоватого воришку из соседнего района, который безобидно постукивал на местных ментов одному из бывших сокурсников Игоря, обнаружили мертвым посреди криминальной сцены в духе итальянских разборок времен сухого закона, что было совсем воришке не по чину. Трое дружков воришки, пять проституток, домработница и бог знает кто еще были разбросаны в лужах крови по всему частному дому, стены дома были изрешечены так, будто их решетили целенаправленно. Один боец, подрабатывавший у воришки кем-то вроде телохранителя, лежал в ванне с перерезанными венами – на него все и списали, решили, что это посттравматический синдром и обилие алкоголя сыграли с бывшим афганцем злую шутку. Еще тогда Игорь засомневался в версии следствия, да что там, сами следователи, похоже, сомневались в своей версии, но теперь Игорь засомневался еще больше. Опять же, он не был уверен, что это массовое убийство и упоминавшийся Игорем Васильевичем случай одно и то же дело, ведь на разборку в особняке понадобились бы силы десятка Игорей Васильевичей, а никак не одного, пусть даже при моральной поддержке скромного педофила и прыщавого полуподростка. Но перебирая в памяти всякие необычные криминальные эпизоды, происходившие в городе за несколько лет, Игорь не мог вспомнить случая, когда заметную криминальную фигуру убили бы именно дома.

Поняв, что уснуть не удастся, Игорь поднялся к себе и полез в Интернет через телефон, чтобы Молодой, в обязанности которого входило администрирование, не узнал, про что Игорь копает. Он, конечно, догадывался, что кто-нибудь все равно следит за его движениями в Интернете, но абстрактная фигура анонимного соглядатая не вызывала такого отторжения, как фигура Молодого, изогнутого знаком вопроса, играющего в «ВoВ» и параллельно смотрящего в логи Игоря. Копание скрасило Игорю часы ожидания, его уверенность в том, что убийство воришки совершили именно те, с кем он в данный момент работал, – несколько укрепились.

Игорь совершенно по-новому посмотрел на этих людей, но от того, что он уже знал их какое-то время, его отношение к ним не могло измениться сразу же, он не мог им не симпатизировать хотя бы потому, что они в общем-то приняли его в свою компанию. С хорошим приемом трудно бороться, даже если компания, в которую тебя принимают, занимается неизвестно чем.

За окнами совсем стемнело, когда в кабинет Игоря заглянул запыхавшийся Молодой.

- Вот ты где, - сказал он. - Мы тебя сначала на диванчике поискали, потом решили, что ты свалил от греха, потом посмотрели, а машина на месте. Помоги кое-что загрузить.

- Сразу не могли тут глянуть? - запоздало спросил Игорь, но послушно поплелся за Молодым в его кабинет, где пришлось хватать за углы какую-то громоздкую штуку, завернутую в полиэтилен.

- Мы потом ее еще обратно попрем, - кряхтя заметил Молодой, когда они выволокли ее в лестничный пролет. - Хотя, может, без нас обойдется, впряжем здорового и Рината.

- Впряжешь ты Рината, как же, - сказал Игорь, невольно постукивая жестяным боком переносимого груза о перила. - Далеко тащить-то?

- Да до гаража, - сказал Молодой, - когда до земли дойдем, легче будет, главное, на льду не поскользнуться у выхода, там и без этой хреновины убиться можно.

На выходе их встретили курящие под наддверным фонарем Игорь Васильевич и Фил. Игорь Васильевич сказал:

- Давайте, давайте, - как бы подгоняя своих крепостных.

- Ты вообще мог бы один эту штуку стаскивать и затаскивать, - отвечал ему Молодой.

- Ага, - сказал Игорь Васильевич. - Мне нельзя. Я уже старый.

Фил присоединился к Игорю и Молодому, чтобы как бы помочь, но взяться за бандуру, что они несли, было негде и поэтому он, смущенно улыбаясь, пошел рядом, глядя, как они то и дело спотыкаются на замерзших автомобильных следах. Возле самого гаража – кирпичного куба около дальней от шлагбаума стороны забора – Фил забежал чуть вперед и предупредительно приоткрыл створку железных ворот, которая проскрежетала об лед нижней кромкой и загудела, как гонг.

– Я машину так-то уже прогрел, – сказал Фил.

– Зашибись, – сказал Молодой, первым протискиваясь в образовавшуюся щель, освещенную изнутри желтым светом нескольких лампочек. Игорь благодарно кивнул Филу, на что тот только махнул рукой.

Они загрузили бандуру через задние двери белой «Газели» в пространство между сиденьями и вытерли пот.

– Я тут спину оставлю когда-нибудь, – мрачно пообещал кому-то Молодой. – Сколько там еще осталось? Поссать я успею сбегать?

Это был риторический вопрос, но Игорь и Фил посмотрели на часы, хотя Игорь не знал, когда они выдвигаются, и видел, что Молодой сам полез за телефоном, чтобы узнать время.

– Телефон оставь, сколько говорить, – сказал Фил с обычной своей улыбкой. – Спалимся когда-нибудь из-за тебя.

Молодой не стал отшучиваться в своей обычной манере человека, стоящего на ступеньку выше, чем все его собеседники, а послушно скрылся во мраке ночи, так что Игорь даже слегка онемел от неожиданности. От Фила не скрылось удивление Игоря, но он только скорчил неопределенную гримасу, вроде «такие дела» или «вечно одно и то же». Игорь на всякий случай похлопал себя по карманам, хотя точно помнил, что оставил телефон на столе, это тоже не укрылось от Фила, он понимающе улыбнулся.

Еще было полчаса всякой возни, во время которой Ринат Иосифович выдавал им пистолеты, а они расписывались и, ковыряясь с комбинезонами, напяливали каждый свою кобуру, и это походило на то, как будто каждый из них был

лошадью и запрягал сам себя.

– Вам, Александр, я бы, будь моя воля, вообще бы ничего не давал, – выразил свою тайную мысль Ринат Иосифович, обращаясь к Молодому. – Вы меня пугаете даже когда держите в руках степлер.

– Ты бы вообще никому ничего не давал, – сказал Молодой. – Будь твоя воля, мы бы пешком до места ходили и обратно.

В лице Рината Иосифовича мелькнуло что-то такое, будто Молодой озвучил мысль, какую не решался озвучить сам Ринат Иосифович.

Игорю Ринат Иосифович вручил запечатанный конверт формата А4, который некуда было деть, кроме как сунуть за карман комбинезона на животе.

– Вот какой смысл? – опять встрял Молодой. – Дал бы уже ему эти листочки, он бы их в карман сунул, все равно ведь мы там же будем и все услышим.

Игорю Васильевичу Ринат Иосифович выдал стеклянный пузырек с одиноко позвякивающей внутри пилюлей. При этом оба они, не сговариваясь, посмотрели на Молодого, видимо, ожидая от него очередных реплик, но тот промолчал. В том же молчании, от которого волнение Игоря начало усиливаться до легкой дрожи в руках, они, то есть Игорь, Молодой и Игорь Васильевич, погрузились в заднюю часть «Газели», а Фил сел за руль.

– Хоть бы Эсэс вышел удачи пожелать, – сказал Молодой, когда они выехали и открывший шлагбаум Ринат Иосифович помахал им вслед.

– Все тебе не так, – заметил Игорь Васильевич, – волну, кстати, дай сюда.

Молодой не стал спорить, вытащил пистолет и протянул его рукояткой вперед.

– Обойму хоть не успел вставить, балбес? – сказал Игорь Васильевич, проверяя пистолет на отсутствие патронов. – Фил, возьми от греха.

Он пролез по салону, отдал пистолет, вернулся и сел напротив Игоря, который ожидал, что Игорь Васильевич траванет пару бак про Молодого и пистолет. По

крайней мере, обстановка и многообещающее лицо Игоря Васильевича как бы к этому располагали, но тот начал совсем про другое.

- Ты не волнуйся, - сказал он. - Мы же тут не сверхлюди какие. Мы же тут всякая шваль. Но при этом работаем же. И те люди обычные, а может, не совсем обычные, не зря же мы к ним ездим. Но производят они впечатление именно обычных людей. Ты таких тысячами на улице видишь. Посмотри на Молодого, он вон придурок придурком, а пару лет уже здесь зависает, справляется, с ума не сошел, мух с себя не ловит. А у тебя, считай, опыт какой-никакой есть, не в этой области, конечно, но ведь не совсем с нуля.

Такое утешение слабо порадовало Игоря.

- Что ты мне рассказываешь, - ответил он Игорю Васильевичу. - Буду на месте, сам посмотрю.

Он не знал, куда они едут, а город в ночное время стал совсем неузнаваемым. Пробок не было - понятно, время уже перевалило за полночь. Игорь поймал себя на мысли, что жалеет о том, что нет пробок, ему хотелось оттянуть начало знакомства с непосредственным действием как можно дальше.

- Блин, сколько раз говорил, не ставь ноги на эту херовину, - сказал Молодой.

Игорь Васильевич, правда, поставил ноги на бандуру, мирно лежащую на полу, из-за чего Игорю казалось, что они едут в катафалке, а бандура - свежий, нераспечатанный гроб с фабрики гробов.

- Ты же ставишь, - резонно отбрехнулся Игорь Васильевич.

Молодой, не убирая подошв брезентовых ботинок с бандуры, пояснил:

- Я знаю куда ставить, а ты - нет. Ее и так колыхает на каждой кочке, как бы не грохнуть.

- А что это вообще такое? - спросил Игорь.

- Да это показания снимать во время допроса, - сказал Молодой.

– Так мы ее за собой потащим, что ли? – спросил Игорь, на секунду потрясенный этим обстоятельством больше, чем предстоящим убийством. – И на какой этаж?

Игорь Васильевич и Молодой радостно заулыбались выражению лица Игоря.

– Нет, – сказал Молодой. – Здесь только данные будут собираться через блютуз, вот от этой вот...

Молодой постучал по какому-то предмету под своим сиденьем, предмет этот Игорь в полумраке «Газели» принял за ведро. Под костяшками пальцев Молодого это и звучало как ведро.

– Он тут останется, – кивнул Игорь Васильевич на Молодого. – Последит и за мейлофоном, и чтобы колеса не сняли.

– Чаше, конечно, таджиков отгонять приходится, – сказал Молодой. – Они теперь как бы парковки организовали на придомовой территории, и если мы паркуемся, то, типа, денег просят.

Масштаб творящейся вокруг глупости стал вырисовываться перед внутренним взором Игоря все более отчетливо. Под впечатлением от него Игорь смолк до конца пути. Пришел в себя, только когда вылез на мороз через распахнутые Филом задние двери и принял из рук молодого то, что раньше казалось ему обыкновенным ведром.

– Это на бошку надевать, только не себе, а тому, с кем разговаривать будешь, – пояснил Молодой. – С той стороны, короче, где датчиков нет, – перед.

Игорь кивнул, изображая понимание.

Игорь Васильевич, кряхтя, пробрался по проходу мимо Молодого и тоже выпрыгнул наружу.

– Давайте, – махнул им рукой Молодой, прежде чем Фил захлопнул его в машине.

Выяснилось, что Фил припарковал машину с четной стороны улицы, а им нужно было на нечетную. Фил шагнул было уже к водительской двери, но Игорь Васильевич придержал его за плечо:

- Да ладно тебе, перейдем.

Они перешли двухполоску перед медленной, гудевшей как пылесос, мигавшей оранжевым огнем уборочной машиной и двинулись в обход длинной пятиэтажки хрущевских времен, стоявшей у самой дороги.

- Уборщик встретил мужика с пустым ведром, - сказал Игорь.

- Ну да, - ответил Игорь Васильевич.

В своих синих курточках и комбинезонах они напоминали Игорю сотрудников какого-нибудь Интернет-провайдера или какой-нибудь технической службы, смущало только то, что на куртках не было никаких логотипов, взгляд за это сразу цеплялся.

Игорь Васильевич уверенно провел их к третьему подъезду и рывком открыл дверь, отчего домофонный магнит печально и слегка непечатно ахнул.

- Мы вперед, - вежливо отодвинул Игоря с дороги Фил и пошел вслед за взбегавшим по ступенькам Игорем Васильевичем.

На площадке второго этажа из щели приоткрытой двери на них смотрела старушка с озабоченным лицом, из-за соседней двери была слышна музыка - Высоцкий пел своих коней каким-то не своим уже голосом из-за того, видимо, что кассетный магнитофон, коим его воспроизводили, порядком поизносил и себя, и кассету.

- Я уже милицию хотела вызывать, - пожаловалась Игорю Васильевичу старушка.

- Так мы, бабуля, и так из милиции, поступил сигнал, - сказал ей Игорь Васильевич.

– Это форма у вас новая? – спросила она.

– Да, бабуля, выдали после переаттестации, вы, давайте, закрывайтесь, сейчас тихо будет через минуту.

Старушка послушно закрыла дверь, но Игорь чувствовал, что она смотрит через глазок, поэтому постарался встать так, чтобы его не было видно.

– Сколько раз он соседей заливал – не пересчитать, – слышался старушечий голосок.

Фил уверенно влез в распределительный щиток и щелкнул тумблером, отчего музыка сразу же смолкла, а за дверью слышался возмущенный вопль как минимум двух человек.

– Вот где люди набираются так? Вроде бы запретили после одиннадцати, – громким шепотом возмутился Фил.

– Они по ходу пивом обхлобутились, – тоже громким шепотом пояснил от двери Игорь Васильевич.

Между тем в шумной квартире слышались решительные шаги, звякнула металлическая задвижка, дверь не успела еще открыться, а Игорь Васильевич уже помог ей, сунул внутрь уверенную руку и шагнул в темноту. Темнота, впрочем, была недолгой, потому что Фил опять щелкнул тумблером, снова, басовито мяукнув, запел Высоцкий.

– Дверь за собой закрой, – сказал Фил Игорю и тоже быстро шмыгнул в квартиру.

Игорь двинулся за ними. Пока он закрывал дверь, косясь на дверь ванной, оттуда раздался короткий грохот осыпающейся с полочки мелкой утвари, судя по звуку – груды баллончиков с пеной для бритья. И все стихло.

Магнитофон в задымленной кухоньке замолк сразу же после грохота. «Э-э-э», – возмущенно произнес чей-то незнакомый голос, но тут же осекся. Игорь продолжал топтаться в прихожей, разглядывая замызганные оранжевые обои с бледным рисунком, какую-то полку у себя над головой, заваленную всяким

хламом вроде разноцветных лыж и пыльных трехлитровых банок, а Игорь Васильевич уже выскочил из ванной и быстро прошел сначала в одну комнату, потом в другую, затем пошел к Филу на кухню и призывно помахал оттуда Игорю. Игорь двинулся следом, сомневаясь, что там хватит места им всем.

Места оказалось еще меньше, потому что посреди кухни лежал вниз лицом какой-то мужчина в тельняшке, и как-то сразу было видно, что он мертв. Еще один, удерживаемый за шиворот Филом, сидел на табурете возле окна и наблюдал, как Игорь Васильевич роняет пилюлю из стеклянного пузырька в кружку с пивом и размешивает ее ручкой столовой ложки. Это был худенький мужичонка неопределенного возраста, в одних семейных трусах, с этакой алкоголической щетиной на лице. Игоря всегда удивляло, что за всю свою жизнь он ни разу не видел запойных алкоголиков с бородой – они были или чисто выбриты (как отец Игоря), или носили такую клочковатую щетину (как бывший сосед Игоря по подъезду или сосед по даче).

Лицо у мужичонки было задумчивое, он смотрел в пол, как будто что-то соображая, и дышал с присвистом, казалось, что его вот-вот стошнит.

– Вас Верка, что ли, послала? – спросил, наконец, мужичонка линолеум у себя под ногами. Игорь увидел синие от грязи ногти, венозные растрескавшиеся ступни мужичонки, и его замутило сильнее, чем от вида трупа.

Игорь Васильевич на секунду перестал помешивать ложкой:

– Можно и так сказать, – отвечал он. – Все беды ведь из-за баб. Наверно, и твоя тоже подкидывает проблем.

Мужичонка опять обратился к линолеуму:

– Да она брешет все.

– А вот мы сейчас проверим, брешет или не брешет, – сказал Игорь Васильевич, кладя ложку на кухонный столик между грязной синей пепельницей и хлебницей, черной от времени. – Вот, пей давай.

Он двинулся к мужичку, тот протянул было руку к кружке, но Игорь Васильевич отпихнул его кисть в сторону и пояснил:

– Рот открой, дубина.

Мужичок послушался и, запрокинув голову, открыл рот. Игорь увидел его ясные, голубые, как у младенца, глаза, окруженные почти черными складками век и сухих морщин. Горло мужичка задергалось, как у котенка или цыпленка, когда он стал глотать то, что вливал в него Игорь Васильевич. Не глядя на Игоря, Игорь Васильевич вытянул пластмассовый табурет ногой из-под стола и сказал через плечо:

– Садись давай.

Игорь послушно подтянул табурет и сел.

– И долго? – спросил он.

– Когда как, – ответил Игорь Васильевич. – Ну тут, вроде, с алкоголем, да низкая масса. Пара минут.

Все они замерли в ожидании, даже мужичок, вместо того чтобы вырваться и сигать в окно, опять опустил голову и поставил руки на колени. На левом предплечье у него была размытая татуировка, от которой разобрать можно было только буквы «ДМБ», но нельзя было разглядеть год, в который он дембельнулся. На левом же плече была вытатуирована чайка, вроде мхатовской.

Чтобы хоть как-то занять себя, Игорь принялся давить еще дымившийся в пепельнице окурочек, оставленный, видимо, спешившим открыть дверь гостем мужичка. В наступившей тишине было слышно, как в хлебнице что-то шуршит. Из пивной лужицы на дальнем от Игоря конце стола, шевеля длинными усами, лакомился здоровенный таракан. Только теперь, когда стихла суматоха, Игорь заметил, что Игорь Васильевич и Фил когда-то успели надеть перчатки телесного цвета, а сам он был без перчаток, ему их даже не выдали.

– У тебя проводка, что ли, слабая? – встряхнул мужичка Фил.

– Чего? – спросил тот.

– Горит что-то, – сказал Фил.

Тут Игорь, заглядевшийся за неимением того, на что можно заглядываться, на раковину, с крана которой свисала тяжелая капля, но все никак не могла упасть, почувствовал запах паленого пластика. Игорь зачем-то посмотрел на газовую плиту, убеждаясь, все ли конфорки закрыты.

– Может, я чего не так выдернул из розетки, – предположил Фил и дернул подбородком на розетку рядом с плечом Игоря. Игорь понюхал розетку, но запах гари шел не оттуда, а откуда-то из-под стола. Передав Игорю Васильевичу свою ведровидную ношу, Игорь, невольно косясь на жуткие ноги мужичка, полез под стол. Там он, изрядно изваляв ладони в пепле, пыли, кухонном жире, наконец обнаружил окурок, закатившийся за край линолеума возле плитуса и тихонько тлевший. Игорь затушил его об батарее, шипя прихлопнул тление руками и вылез наружу.

– Ох, че это такое вы мне налили, ребята, – сказал мужичок вяло и посмотрел своими ясными глазами на Игоря Васильевича. – Меня так прет, так прет.

Игорь Васильевич, словно и не обратив на слова мужичка никакого внимания, сказал Игорю:

– Ну и руки у тебя.

Игорь, переступив через труп, сунулся к кухонной раковине, но она была забита посудой почти под самый кран, ни моющего средства, ни мыла на раковине не было.

– В ванную не советую ходить, – угадал мысль Игоря Игорь Васильевич. – Проблюешься еще с непривычки, там открытая чеэптэ лежит.

Игорь замер, беспомощно нюхая свои ладони, пахнувшие теперь как носки.

– Просто сполосни, да об штаны вытри или вон об штору, – посоветовал Фил, он уже увидел, как Игорь с сомнением косится на серое полотенце, висевшее на

вбитом в стену гвоздике, рядом с блестящей от чистоты теркой, висевшей на таком же гвоздике. Игорь осторожно приоткрыл кран, несколько раз сполоснул руки и вытер их об штанины с задней стороны бедер. Он не успокоился, пока руки не стали пахнуть пыльной тканью.

- Чистота - залог здоровья, - сказал на это мужичок.

- Порядок - прежде всего, - продолжил его мысль Игорь Васильевич. - Ты, главное, потом их с хлоркой вымой, прежде чем до еды добраться. Да что до еды, я бы с такими руками по-маленькому бы боялся сходить.

- Вы бы не умничали, - заметил Фил. - После нашего-то туалета здесь просто Версаль.

- Кстати, да, - согласился Игорь Васильевич, - уже несколько месяцев собираюсь как-то оживить там обстановочку, но все руки не доходят.

- Считай, неделю балду пропинали, - сказал Фил.

- Ну так ты там живешь, кому как не тебе удобства обеспечивать, - сказал Игорь Васильевич.

- Нормально, - саркастически высказался Фил. - Я душ, между прочим, на свои деньги отгрохал, эту кабинку, плитку тоже, пол, по которому вы ходили, когда еще клей не просох, а теперь еще и туалет, имейте совесть, ребята.

- Димон, кстати, вот такой сантехник, и по плитке, - встрял в разговор мужичок и показал на труп возле их ног. - Он все по-божески, за нормальные деньги.

Игорь Васильевич встряхнулся, будто избавляясь от наваждения, и протянул Игорю прибор, похожий на ведро.

- Давай сам, включается вот здесь.

Игорь принял ведро, щелкнул переключателем, где ему показали (прибор опасно загудел, как трансформаторная будка, но больше ничего, что указывало бы на то, что он работает, не произошло). Затем Игорь наискось перешагнул труп,

задев плечом Игоря Васильевича, и надел прибор на голову мужичка.

- Темно, - гулко сказал мужичок изнутри.

- Сейчас тебе вопросы будут задавать, ты на них будешь отвечать, - постучал по ведру Игорь Васильевич. - Ты все понял?

Ведро утвердительно покивало.

- Я понял, - ответил мужичок - ему, видимо, так понравилась гулкость собственного голоса, что он постарался ее усилить, заговорив низко и нараспев: - Цветочек аленькой.

- Еще бывает, про тайну золотого ключика втирают, - поделился с Игорем Игорь Васильевич.

- Мне уже приступать? - спросил Игорь и, получив от Игоря Васильевича утвердительный кивок, снова сел на табурет, достал конверт, который стал влажным с одной стороны от его собственного пота. - Вы хоть форточку откройте - жарко же, - попросил Игорь.

Фил, отпустивший загрибок мужичка и стоящий со скрещенными на груди руками, развернулся к форточке, уронив с подоконника пустую, частично ржавую жестянку с надписью «Сахар» и крупными красными горошинами на боках, а когда нагнулся, чтобы поднять ее, Игорь Васильевич сказал:

- Не надо, это тебе жарко. Ты на мандраже. А Фил застудит шею, будет потом улыбаться, как собака, шею потирать. Тебя же самого совесть замучает.

- Я немного открою, - все-таки сказал Фил. - Тут, правда, слегка тяжко.

Сухая сторона конверта была почти пуста. В верхнем левом углу стоял мелко пропечатанный номер «146», а в правом нижнем - штрих-код. Игорь прощупал конверт, пытаясь определить, где лежит запечатанная в него бумага, чтобы не повредить ее при открытии, затем бережно оторвал полоску сбоку. Судя по спокойным лицам Игоря Васильевича и Фила - Игорь сделал все правильно. Нашарив двумя пальцами содержимое, Игорь вытянул наружу обычный листок

формата А4. С одной стороны был напечатан какой-то текст, набранный мелкими буквами, а другая сторона была пуста.

– Конверт и огрызок сюда давай, – протянул лапу Игорь Васильевич, хотя сам уже подхватил со стола оборывок-полоску. С тем, что получил, Игорь Васильевич, ушел в туалет, откуда раздались многократные звуки разрываемой на мелкие клочки бумаги и последовавшие за этим всплески унитазного смыва.

– По ходу, я угадал его любимую комнату, – кивнул на мужичка Игорь Васильевич, когда вернулся, – и его любимую книгу.

Он вытащил из кармана маленький, похожий на брелок предмет, в котором Игорь узнал небольшой диктофон, и положил его на стол.

– Вот, – сказал Игорь Васильевич, – пользуйся. Тут он включается, если не знаешь. Задавай вопросы, следи за реакцией.

– Как я могу следить за реакцией, если у него лица не видно.

– Как хочешь, так и следи, – сказал Игорь Васильевич.

Игорь включил диктофон (а Игорь Васильевич завис над ними обоими – диктофоном и Игорем, – чтобы проверить, все ли правильно делается) и сунул нос в листок.

Все строчки были пронумерованы, последним значился вопрос под номером «шестьдесят восемь», Игорь вернулся в начало текста и озвучил первую строку:

– Какие кошки вам больше нравятся, белые или рыжие?

Игорь Васильевич протянул руку к диктофону и выключил его:

– Второй дубль, – объяснил он свое движение. – Говори номер вопроса, а потом задавай. Начали.

Игорь под похожей на дубовую сенью Игоря Васильевича, снова включил диктофон, озвучил номер вопроса и сам вопрос. Мужичок же, видимо, задремав у

себя под ведром или потерявшись под действием выпитой таблетки, и не думал отвечать. Фил постучал по ведру сверху, мужичок встрепенулся.

- Давай отвечай, когда спрашивают, - сказал ему Фил. Мужичку нравились черепаховые кошки с белым брюхом и подбородком.

- Вопрос номер два, - сказал Игорь. - Любите ли вы разгадывать кроссворды?

- Я раньше любил, - ответил мужичок, - когда их в «Труде» печатали и в журналах, на последней странице «Человека и закона».

- Вопрос номер три, - сказал Игорь. - Имеете ли вы разряд по шахматам?

- Юношеский третий, - ответил мужичок.

Фил посмотрел на него с некоторой долей уважения и сожаления.

- Вопрос номер четыре, - произнес Игорь уже несколько автоматически, он не понимал, какую реакцию он должен видеть, поскольку отвлекался теперь уже на лицо Фила. - Посещали ли вы когда-либо Казанский Кремль?

- Может, в детстве, - сказал мужичок, - у меня бабка в Казани жила. Но точно я не знаю.

- Вопрос номер пять, - сказал Игорь. - Какими словами вы описали бы яблоко?

- Красное, - ответил мужичок, - круглое, зеленое, кислое.

- Вопрос номер шесть, - сказал Игорь. - Вы когда-нибудь жгли во дворе листья?

- Кто же их не жег, - усмехнулся мужичок.

- Вопрос номер семь, - сказал Игорь. - Сколько друзей у вас было во время службы в армии?

- Трое, - ответил мужичок, - Васян, Гошка Еремеев и Серега Долгих.

- Вопрос номер восемь. Часто ли вы точите кухонный нож?

- Ну, как затупится, так и точу, сами можете посмотреть, - сказал мужичок и попытался приподняться, чтобы, видимо, показать нож, но Фил удержал его на месте.

- Вопрос номер девять. Забывали ли вы когда-нибудь что-нибудь в транспорте?

- Я друга один раз пьяный в троллейбусе забыл, - сказал мужичок, - а в восемьдесят девятом у меня в трамвае всю зарплату вытащили.

Игорь замолчал, решив, что мужичок продолжит перечислять забытые в транспорте предметы, потому что интонация его была многообещающая; говоря про зарплату, он как бы закончил свое предложение не точкой, а чем-то другим, вроде многоточия или запятой, но мужичок молчал.

- Давай дальше, - прошептал Игорь Васильевич, - а то он опять задремлет.

- Вопрос номер десять, - сказал Игорь. - Вы помните какое-нибудь стихотворение из школьной программы?

Мужичок стал читать Асадова, он так и сказал: «Асадов. Цыгане поют». После второй минуты чтения Игорь было засобирился остановить его, но Игорь Васильевич показал указательный палец, предостерегая от этого.

- Еще я «Бородино» знаю, - сказал мужичок, покончив с Асадовым.

- «Бородино» не надо, - остановил его Игорь. - Вопрос номер одиннадцать. Бывают ли у вас приступы головокружения?

- «Вертолеты», что ли? - не понял мужичок. - По молодости бывало, сейчас реже, а так я высоты боюсь, когда едем по мосту, я стараюсь в окно не смотреть.

- Вопрос номер двенадцать, - сказал Игорь и осекся, потом все-таки прочитал вопрос. - Боитесь ли вы высоты?

– Говорю же – боюсь, – сказал мужичок, повысив голос от того, что его спрашивают об одном и том же, и добавил: – До усрачки, можно сказать, боюсь.

– Вопрос номер тринадцать. Ели ли вы в детстве сырую крапиву?

– Неет, – уверенно ответил мужичок. – У нас только один пацан мог так делать, сворачивал листок, говорил, что вкусно, но никто за ним повторять не рискнул.

– Вопрос номер четырнадцать, – сказал Игорь. – Умеете ли вы водить автомобиль?

– Умею, конечно, – ответил мужичок.

Вопросы были составлены удивительным образом, Игорь пожалел, что не прислушался к совету сходить поспать, потому что на шестидесятом вопросе его уже поволокло в сторону. На шестьдесят седьмом Игорь внезапно для самого себя зевнул. Вслед за ним принялись заразительно зевать Фил, Игорь Васильевич и мужичок под ведром. Что до Фила, то он не только зевал, но, хотя и оставался на ногах, все равно стал как-то сползать то в одну, то в другую сторону, стал часто менять положение тела. Он облакачивался на подоконник то обеими руками, то одной, чуть ли не локтем. Игорь Васильевич переминался с ноги на ногу, затем поднял валявшийся в углу табурет и сел на него, подперев щеку кулаком. Задавая вопросы, Игорь покосился на Игоря Васильевича – тот слушал как ребенок, когда ему читают уже не раз читанную сказку.

Среди вопросов попадались воистину странные, например, «висели ли вы когда-нибудь вниз головой до потери сознания», «какая футбольная команда вызывает у вас бо?льшую неприязнь», «сколько всего у вас было собак за всю вашу жизнь», «пробовали ли вы бросить курить, если да, то сколько раз», «где вы предпочитаете встречать Новый год». Игорь уже не только задавал вопросы, но и сам мысленно отвечал на них и сравнивал свои мысли с ответами мужичка, Игорю не нравилось, когда тот отвечал остроумнее, чем он сам. В итоге он так углубился в текст, что совсем забыл, что будет в конце.

– Вопрос номер сто шестьдесят восемь, – сказал Игорь. – На каком этаже вам хотелось бы жить, если бы вы могли выбирать?

Игорь перевернул листок, еще раз убеждаясь, что спрашивать больше нечего, а в это время мужичок ответил:

– Я и так выбрал на каком, я этот дом, можно сказать, своими руками строил в восемьдесят втором.

Безо всякого сигнала со стороны Игоря, Игорь Васильевич встал с табурета и снял ведро с головы мужичка, тот даже не успел сощуриться от света, как Фил, облокотившийся на локоть и сонно помаргивающий в пустоту, соскользнул локтем с подоконника (Игорь даже решил, что Фил задремал), схватил мужичка, поймал его шею в локтевой сгиб, прижал к себе, отпустил – и тот молча повалился на бок. Игорь услышал свист воздуха, выходявшего из расслабленных легких мужичка. Он падал в сторону стола, потом скользнул плечом по краю столешницы и завалился лицом вниз, головой прямо под ноги Игоря. Все произошло так быстро, что Игорь не успел даже вскочить. Глядя на все так же облакачивающегося на подоконник Фила, Игорь подумал, что вскакивать уже глупо, и спросил.

– Что теперь?

Игорь Васильевич выдернул бумажку с вопросами у него из пальцев и опять ушел в туалет.

– Вот так это и делается, – сказал Фил безо всякой бравады, словно мясник, десятый раз показавший тупому ученику, как разделывать тушу.

Игорь подумал, что Молодой ходит по очень тонкому льду, когда достает Фила своими шуточками.

Из туалета опять раздались звуки разрываемой бумаги и плески унитаза, Игорь Васильевич вышел обратно и сказал от кухонного порога:

– Вроде ничего не забыли.

– Вроде ничего, – сказал Фил. – Ты все комнаты проверил?

- Охренеть тут комнат, - не без сарказма заметил Игорь Васильевич, бросая табурет, на котором сидел во время допроса, обратно в угол. - Пошли уже.

Они вышли на лестничную площадку. Бабулька, может, уже и уснула, успокоенная тишиной, но к ее глазку Игорь все равно старался держаться спиной.

- Тут вроде замок с защелкой, - задумчиво пробормотал Игорь Васильевич и хлопнул дверью, потом подергал дверную ручку. - Точно, с защелкой.

- И что, никто на нас не подумает? - спросил Игорь уже на улице.

- Да бытовуха обычная, - сказал Игорь Васильевич, - такая каждый день происходит. Новости посмотришь - и без нашего участия такие вещи творятся, что у меня самого волосы дыбом на жопе встают, а спина изморозью покрывается. Двое, короче, сели в шахматы играть, один выиграл, другой обиделся - пять трупов. Мы, конечно, не дело творим, но мы хоть по приказу родины, и у этого всего цель есть. Спору нет, страшно, что у страны цели такие могут быть. Но еще ведь страшнее, что граждане сами друг друга безо всяких целей херчат налево и направо. Я вроде много повидал, но некоторым поступкам объяснения дать не могу. Какой-нибудь неманьяк - бац, сына по башке табуретом за неубранные игрушки. Жена суп пересолила, мужу не понравилось, она его чик ножом пятнадцать раз, а потом ребенка в окно. Главное, не сама в окно, а ребенка почему-то. А дорожные разборки? Вообще мрак. А игра «Поймай на бампер старушку на переходе - получи два года»?

- Так-то это самооправдания всё, - вздохнул Фил.

- Перед тобой страна тоже оправдывается, - сказал Игорь Васильевич. - Она тебе разрешает, даже приказывает убивать людей, но при этом запрещает пацанов трахать, курить в общественных местах, оскорблять чувства верующих и покупать алкоголь после одиннадцати.

- Ты меня на лояльность проверять, что ли, вздумал? - безобидно глядя в землю и не сбиваясь с шага, спросил Фил.

- Нет, - твердо сказал Игорь Васильевич. - Я на полном серьезе. Вот в чем по-твоему провинились эти бедолаги сегодня?

- Значит, в чем-то провинились, – все так же глядя в землю, сказал Фил.

- Да ну тебя, дуешь уже на холодное.

Фил широко улыбнулся какой-то своей мысли.

- Нет, ну правда, – вполголоса, то есть в том тоне, в каком и шел весь разговор, возмутился Игорь Васильевич. – Тебе уже некуда уже падать. У тебя же депрессняк, от тебя жена ушла, с которой у вас, не знаю, что-то ведь было, дочку же родили, ты живешь на работе. Тебя позвали к нам, ты пошел. Ради чего? Ради высшей цели? Явно ведь не из-за карьеры. Ой-ой, хоть кому-то я нужен.

- А если и ради цели? – поинтересовался Фил.

- А если бы ради цели нужно было пацанов трахать? – тут же спросил Игорь Васильевич, и лицо у Фила закаменело. – Вот сказали бы, вперед, Фил, ради страны, ради высшей цели.

Фил ничего не ответил. А Игорь Васильевич продолжил:

- А тут ведь речь о человеческих жизнях идет, Фил. Может, это вообще какая-то ошибка. Всплывет это все через несколько лет в результате очередной перестройки, и будем мы с тобой, и с тобой, – он указал на Игоря, – типа сталинских палачей. И окажешься ты, Фил, в еще большей жопе, чем был. Как тебе такая перспектива? И твое же государство будет тебя клеймить, те же люди, что тебе приказы отдавали.

- Ты к чему все это? – спросил Фил.

- Да ни к чему, – сказал Игорь Васильевич.

«Достоевщина какая», – подумал Игорь.

За разговором они подошли уже к своей «Газели» и стояли возле нее, продолжая спорить. Фил сменил идейность на расчет и утверждал, что собирается просто

дослужить до пенсии и уйти копать огород, Игорь Васильевич все равно не отставал от Фила и разрушал его безыдейную базу, утверждая, что тот сойдет с ума на пенсии, потому что копать огород – это не для Фила. Несколько раз Игорь Васильевич употребил фразу «трахать пацанов» в том или ином ключе, и у Игоря сложилось впечатление, что Игоря Васильевича эта тема интересует гораздо больше, чем самого Фила. Молодой приоткрыл задние двери и с удовольствием на лице слушал их обоих, потом не выдержал и сказал:

– Давайте, может, уже внутри продолжим диспут о сексе с несовершеннолетними?

– Он еще в столб врежется, когда начнет аргументы искать, он мрачный такой становится, когда ему объясняешь... – проворчал Игорь Васильевич, но тем не менее полез в машину.

– Не буду я ничего искать, я все уже нашел, – ответил ему в спину Фил и пошел на водительское место.

– Ну как прошло? – спросил Молодой, когда машина тронулась.

– Вот что ты себя терзаешь? – взвился на Фила Игорь Васильевич. – Ты вон иногда по несколько человек за ночь убиваешь – и еще терзаешься, что тебя на мальчиков тянет. Так же с ума можно сойти. В этом прямо какой-то разлом нездоровый есть. Или ты никого не убиваешь – и святой, или убиваешь – и не терзаешься насчет мальчиков. Я просто боюсь, что это когда-нибудь плохо для нас всех кончится. Нельзя одной ногой стоять в одном лагере, а другой ногой – в другом. И ладно бы ты правда кого-то изнасиловал, так ведь нет, тебя же сразу спалили, на первом же пацане, может, ты сорвался, потому что у тебя витаминов каких не хватало, может, это биохимия была, другой бы на дурака отъехал и еще бы радовался, какие вокруг идиоты.

– Он часто так по мозгам катается, – поделился с Игорем Молодой. – Если запала хватит – он и меня, и тебя начнет жизни учить.

– Хрена ли тебя учить? – перекинулся на Молодого Игорь Васильевич, постепенно ослабляя жар, словно Молодой открыл в Игоре Васильевиче аварийный клапан. – Тебя надо было драть с самого рождения армейским ремнем вплоть до сегодняшнего дня, да и то толку бы не вышло.

- Так как все прошло-то? - спросил Молодой.

- Да нормально все прошло, - ответил Фил.

- Не видишь, что ли, все живы-здоровы, - подтвердил Игорь Васильевич. - В штатном режиме. Правда, лишних двоих зацепили. Прикинь, зашли люди пивка попить к старому товарищу. Ладно, хоть детей не было или собаки.

Игорь внутренне содрогнулся, он и не предполагал такой возможности и не представлял, что бы было.

- Один раз вообще хреново получилось, - признался Игорь Васильевич. - Мужик один жил, видно, когда его отслеживали. Отслеживали, отслеживали, да не отследили: он за это время то ли пить бросил, то ли колотья, ну и вернулась к нему жена с сыном - а тут и мы нарисовались. Там и елка стояла в игрушках. Ад, короче.

Это, видно, была не очень легкая тема, поэтому Молодой вроде бы и открыл рот, чтобы что-то сказать, однако все-таки промолчал, косясь на Игоря Васильевича. Игорь внезапно вспомнил, как заваливался набок, а потом вперед мертвый мужичок. Представил на его месте своего сына и, в приступе внезапно накатившей тошноты, задергал ручку двери, а когда она открылась, свесился лицом к выезжавшей снизу дороге, пойманный прыгнувшими на него одновременно Игорем Васильевичем и Молодым - и его несколько раз вывернуло желчью.

Фил неторопливо свернул к обочине и плавно затормозил.

- Давайте хоть газировки купим, - предложил Игорь Васильевич, успокаивающе похлопывая Игоря по спине.

Игорь отрицательно помотал головой, а Молодой сказал:

- Я сбегаю, тут недалеко, - перепрыгнул через голову Игоря и ускакал.

- Сына своего представил в таком положении? - догадался Игорь Васильевич.

Игорь покивал дороге и стал подниматься. Он не просто представил, это было как наяву. Он даже видел, во что сын одет – бабушка подарила ему связанные из разных цветных ниток носки, – и он полюбил скользить в этих пестрых носках по ламинату, как на коньках. Дома сын носил майку – или с пижамными штанами, или с трусами с героями «Тачек». Вот в этих трусах, в этих носках, которые были почти как гольфы, и в майке сын возник в его видении. Игорь вспомнил, как выходил воздух из расслабленных смертью легких мужичка, и его снова начало выворачивать.

– В следующий раз, если будет тянуть поплевать, – не стесняйся, блюй прямо здесь, – сказал Игорь Васильевич. – Не хило было бы, если бы тебя пришлось с дороги соскребать, а потом твоей родне объяснять, как ты коньки отбросил. О семье думай.

– Да может, просто укачало, – попробовал оправдаться Игорь, утирая слезы и отдыхиваясь. – Так совпало просто.

– Все равно, давай без каскадерства, подыши пока поглубже.

Как бы забыв о запретах Молодого, Игорь и Игорь Васильевич поставили ноги на валявшийся агрегат и закурили переданные Филом в салон сигареты.

– Ни хрена ты соску купил, – сказал Игорь Васильевич подбежавшему с двухлитровой бутылкой Молодому, а когда он, поскользнувшись на ступеньке, едва не упал головой об пол, добавил: – Давай, еще ты башку разбей.

– Лапы убрали, – приказал Молодой, отряхнувшись, и они безропотно поджали ноги под сиденья, сам же Молодой, вспомнив о своих непосредственных обязанностях, передал бутылку Игорю Васильевичу и принялся накрывать полиэтиленом бандуру в проходе.

– Мне дайте хлебнуть, – попросил Фил.

– Ага, – сказал Игорь Васильевич, и пена из бутылки полилась на полиэтилен.

Молодой громко заматерился на смех Игоря Васильевича и Фила.

– Если бы вы знали, сколько эта штука стоит, – вы бы два раза посидели, если бы вас просто рядом с этой хреновиной стоять попросили, – сказал Молодой.

– Ну и сколько она стоит? – спросил Игорь Васильевич, ожидая, когда Фил передаст бутылку обратно. – Может, загоним ее на цветмет, а перед Ренатом будем пустую коробку таскать, корячиться, чтобы он чувствовал удовлетворение.

– А это мысль, кстати, – сказал Молодой, принимая бутылку от Игоря Васильевича, отхлебывая из нее и тоже роняя газировку на полиэтилен. – Педофилия, кстати, через слюну не передается, нет?

– Лишь бы ты девственностью своей никого не заразил, – тут же сказал на это Игорь Васильевич так, что Молодой подавился.

– Давайте, закрывайте уже двери, выстудили все вконец, – по-хозяйски скомандовал Фил, – залили тоже. Пить аккуратнее нельзя разве?

Игорь Васильевич перешагнул через ноги Игоря и закрыл двери.

– Полегчало? – спросил он.

Проветрившейся голове Игоря и правда стало полегче, а спазмы в желудке улеглись, он оторвался от бутылки, из которой пил мелкими глотками вязнущую на зубах и отдающую углекислотой в нос жидкость, и кивнул.

– Погнали, давай, дальше, – скомандовал Игорь Васильевич, впрочем, Фил и без его команды, как только хлопнули двери, начал трогаться с места.

– Тебя не поменять? – спросил Игорь Васильевич Фила. – А то ты вялый какой-то был, когда Игорек отходную читал.

– Да не, нормально всё, – ответил Фил, блеснув глазами в салон.

– Я тогда покемарю малясь, – сказал Игорь Васильевич.

– Да тут недалеко уже, ты не успеешь, – сказал Фил.

Молодой незаметно забрал газировку из рук Игоря и вытянул в одну морду почти половину бутылки. Игорь смотрел в заднее окно, он поймал себя на мысли, что желтое мигание светофоров его успокаивает. В некоторых многоквартирных домах, мимо которых они проезжали, горели одно-два окошка, и это тоже действовало на Игоря успокаивающе, хотя в квартирах с включенным светом, как уже Игорь убедился, могло происходить все что угодно. Он загляделся на небоскреб, отстроенный в центре совсем недавно, – во всем здании было темно, и только этаже на пятнадцатом, на лестничной площадке, горела одинокая лампочка. Там же, освещенный ее чахлым светом, похожим на аварийный, стоял маленький человек и, кажется, курил.

– Что ты говоришь, недалеко, мы вон через центр едем, – предъявил Игорь Васильевич Филу.

– Мы через край центра, – объяснился Фил.

– Тебе бы таксистом работать, – сказал Игорь Васильевич.

– Счетчики отменили, смысла нет, – снова отбился Фил ровным своим голосом.

– Через тракт выехал бы сразу, – не сдался Игорь Васильевич. – Там по объездной вчистил бы.

– Не знаю, че-то накатило.

Игорь Васильевич смирился и замолк. Сначала Фил окунул их в переулки, становившиеся все мельче, но увешанные светящимися вывесками и рекламами, почти каждое дерево по пути было оплетено мигающими гирляндами. Из-за сумрака и движения не было видно грязи и легшего там и сям снега, проулки казались такими европейскими предновогодними улочками. Потом вывесок стало меньше, но они не исчезли совсем, а стали попроще, оплетенные гирляндами деревья попадались все реже. Наконец, выехали на улицу, которую Игорь хорошо знал и по которой сам каждое утро ездил на работу, – это была широкая улица с тополями и высокими фонарями по бокам. За деревьями стояли высоченные новостройки, но сейчас их было не видно – фонари хоть и освещали асфальт под собой, сгущали мрак за пределами пятна света и образовывали целую стену темноты. Затем был мост, с которого, когда они по нему ехали,

Игорь увидел пассажирский поезд, бесшумно двигавшийся, освещенный изнутри плацкартным ночным светом.

Через несколько минут дорога перестала быть ровной, сначала их кидало на ямах, пробитых в асфальте грузовой техникой, потом и вовсе пошла грунтовка. Молодой принялся придерживать агрегат и шипеть на Фила, чтобы тот ехал осторожнее.

- Ты туда ехал нормально же, - сказал Молодой.

- Так то - туда, - как бы объяснил Фил, но Игорь не понял этого объяснения; когда их особенно тряхануло и внутри аппарата что-то зазвенело, как на пружинах, Молодой взъелся на Фила одним только нечленораздельным возгласом.

Возле шлагбаума их уже поджидал Ринат Иосифович.

- И давно ты тут сторожа изображаешь? - сунув голову к Филу, метясь, видимо, в приоткрытое водительское окошко, крикнул Игорь Васильевич.

Игорь не услышал, что ответил Ринат Иосифович, потому что мерзлая земля как-то особенно загрохотала под холодной резиной колес, когда Фил сбавил скорость, а Игорь Васильевич, видимо расслышал, потому что понимающе сказал:

- А-а, - и добавил, скорее всего, отвечая на вопрос: - Да нормально. Гладко, в принципе.

Они приехали, Игорь прыгнул на бетонный пол гаража, и по тому, как тяжело толкнулся бетон в подошвы, понял, как устал, как затекли ноги во время поездки.

- Одну таблетку я тебе сэкономил, - сказал Игорь Васильевич подошедшему к ним Ринату Иосифовичу и потряс бутылком, вынутым из кармана.

Ринат Иосифович недовольно поморщился и потер висок, Игорь Васильевич толкнул локтем стоящего рядом, потягивающегося, как после сна, Фила, и они

оба – Игорь Васильевич и Фил – заулыбались. Игорь не удержался и тоже улыбнулся. В свете гаражных лампочек, похожих на лампочки в какой-нибудь подсобке или за кулисами (ребенком Игорь играл новогодние спектакли в местном клубе и знал, какой свет бывает за кулисами), все произошедшее казалось глупой мистерией, а усталость, накладываясь на декорации гаража, где началась поездка, создавала впечатление, что вообще ничего не было. Казалось, они пришли в гараж, простояли несколько часов и теперь должны были повторить все свои действия – выдачу табельного оружия, погрузку агрегата в «Газель» – в обратном порядке.

Все они, гуськом, как утята, двинулись за Ринатом Иосифовичем в его подсобку и повторили спектакль – Ринат Иосифович придирчиво изучал оружие и считал патроны, а они расписывались. За потраченную пилюлю Игорю Васильевичу пришлось заполнять объяснительную, все остальные стояли полукругом возле столика, где он это делал. Игорь готов был молиться, чтобы Игорь Васильевич заполнил бумагу с первого раза.

– Диктофон не потеряли? – спросил Ринат Иосифович, и у Игоря екнуло сердце, но Игорь Васильевич сунул руку в карман штанов и хлопнул диктофоном о столик, как доминошкой, и, хитро оглянувшись, полюбовался бледностью Игоря.

– Осторожнее, пожалуйста, – попросил Ринат Иосифович. – Передайте Игорю Петровичу и распишитесь.

– Ринат, блин, – сказал Игорь Васильевич, – ну сколько просить, давай по-человечески, можно же утром или послезавтра.

– Послезавтра уже концов видно не будет, – резонно заметил Ринат Иосифович.

Пока загрузили обратно в каморку Молодого его бандуру, пока Фил прибирал в машине, а все стояли и смотрели, как он это делает, пока Игорь принимал диктофон на свой баланс, наступило раннее утро. Где-то за забором один за другим загрохотали первые трамваи. Игорь не знал, хочет он спать или уже не уснет, настолько его усталость уже перешагнула через сонливость. Когда Игорь, Фил, Молодой и Игорь Васильевич собрались в курилке, Игорь чувствовал себя так, словно выпил десять чашек кофе подряд. За окном курилки начинал синеть демисезонный рассвет.

- Ох, и зрачки у тебя, Петрович, - заметил Игорь Васильевич. - Руки вон подрагивают. Ты меня как подбрасывать до дома будешь?

- Когда тебе уже твою таратайку починят? - возмутился Молодой. - Хватит тебя, может, уже катать.

- Да все обещают, обещают, - уклончиво сказал Игорь Васильевич.

- Довезу уж как-нибудь, - обнадежил Игорь.

- Нет, ну серьезно, нашел таксиста, - опять встрял Молодой.

- Я тебе говорю, возьми мою, - предложил Фил. - Мне-то тут все равно сидеть.

- Ага, спасибо, - воодушевленно начал Игорь Васильевич, - а если мне ее кто царапнет или еще что? С ДВУМЯ машинами потом трахаться?

- Так страховка же, - сказал Фил.

- А если не все покроет? А мало ли что еще?

- Ну ты и пессимист, - сказал Фил, - как моя тетка.

- Мне все равно по пути, - влез Игорь, чтобы их примирить.

- Так на него же бензина уходит, как на троих меня, подвеска потом, кресло это туда-сюда, оно у меня уже не закрепляется, по-моему, после этих поездок, - встрял Молодой, чтобы снова начать свару.

- У меня вроде все нормально, - сказал Игорь.

- Это пока, - утешил Молодой.

Утренние сумерки сменились какими-то полусумерками, походившими уже на свет дня, до полной дневной яркости осталось совсем немного, когда они, зачем-то несколько раз попив чая и кофе у Фила в каморке, отправились по домам.

– Ренат, сука, еще затемно свинтил, – ругнулся Игорь Васильевич на свежий автомобильный след, тянущийся по рыхлому снежку.

Игорь покосился на него со своего водительского места. За время работы в этой конторе он так привык, что Игорь Васильевич ездит с ним, что ему показалось бы странным возвращаться домой без кого-то гундящего рядом. Игоря интересовало, как Игорь Васильевич добирается до работы, но он почему-то стеснялся об этом спросить. Еще его интересовало, чья машина будет стоять на улице, когда машина Игоря Васильевича вернется из ремонта, но и об этом Игорь не решался спрашивать, потому что подозревал, что на улице окажется его собственная машина.

– Хорошо вот так с утра ехать, – сказал Игорь Васильевич. – Мы с тобой первый раз, считай, едем вот так вот спокойно. Доедем, как при Союзе. Не знаю, помнишь ты, нет, но раньше в городе каждому засранцу похоронную процессию устраивали, перлись посреди улицы, елочки разбрасывали, сейчас так попробуй. Линчуют на хер.

Игорь Васильевич ходил все в том же костюме, только с наступлением холодов накидывал на пиджак дубленку, в которой позвякивали амбарные, судя по звуку, ключи от дома. Игорь Васильевич всегда бросал дубленку на заднее сиденье, а Игорь опасался, что ключи выпадут во время поездки и придется возвращаться от дома обратно к дому Игоря Васильевича. Игорь так отчетливо и детально видел, как он подъезжает к подпрыгивающему от холода Игорю Васильевичу, синеему на крыльце подъезда, что на самом деле у ключей не было ни малейшего шанса быть забытыми на полу или сиденье машины.

Замечание Игоря Васильевича о допотопных похоронах Игорь почти пропустил мимо ушей, но да, он помнил эти времена, когда по дорогам ездили почти одни только троллейбусы и автобусы, просто не хотел говорить об этом.

– Я жене позвоню, – сказал Игорь.

– Давай, звони, – разрешил Игорь Васильевич.

– Оль, привет, – сказал Игорь, когда жена взяла трубку, – у меня сегодня выходной образовался после ночи, я Мишку из садика заберу.

- О, зашибись, - сказала жена. - Я сегодня как раз задержусь немного.

- Блин, Оля, - слегка возмутился Игорь. - Ты просишь же побольше бывать вместе. А выходит, то я задерживаюсь, то ты.

- Да мы тут закрываем отчетность, - сказала жена. - Нужно застрять немного, хорошо, что ты сегодня свободен.

- Ну на дом возьми, - предложил Игорь. - Иногда же берешь на дом.

- Перед Новым годом не хочется еще и дома возиться, а так приду - и все.

- Да ну тебя, - сказал Игорь.

- Ну, Игорек, ну не обижайся, - протянула жена.

- Тогда ты потом тоже не обижайся, - сказал Игорь, но знал, что жена будет обижаться, если возникнет такой же повод, - она почему-то имела право капать ему на нервы, если он задерживался, а он - нет.

- Ладно, не буду, пока, - сказала жена и отключилась.

Игорь не успел даже договорить свое: «Что значит пока?» - как она оставила его с гудящей трубкой.

- Ёлки-палки, - шепотом сказал Игорь в лицо телефону, а именно в лицо сыну, чья фотография была у него на рабочем столе мобильного.

Игорь Васильевич, судя по всему, решил тактично промолчать, но надолго его не хватило.

- Она тебе не изменяет, нет? - спросил Игорь Васильевич, чем поставил Игоря в тупик, потому что он как-то над этим не задумывался.

- Да нет, наверно, - сказал Игорь. - Знаешь, не подливай масла в огонь. Мы и так только в отпусках видимся, нам еще, знаешь, ревности не хватает в наших

терках. Еще, может, следить за ней предложишь.

- А ты? - спросил Игорь Васильевич.

- С кем, с Эсэсом, что ли, мне ей изменять? - возмутился Игорь.

- Ну да, - согласился Игорь Васильевич, - Молодому бы в самый раз по девкам бегать, а даже он не успевает.

- Кстати, - вспомнил Игорь вопрос, который вечно забывал задать, - он-то к нам за что?

- Да он рецепты бомб в Интернете вывешивал, подстрекал, там, чурок резать от лица скинхедов, а русских от лица кавказцев, веселья ему, видишь ли, в жизни не хватало. Еще он страничку прокурора ломанул во «ВКонтакте» и всякой экстремистской херотенью ее забил, перессорил его с кучей друзей. Некоторые до сих пор прокурора после этого случая лимоновцем считают. Молодому сколько-то там светило, но его папашка отмазал, он же генерал - хоть и бросил семью, но о сыне позаботился. Хотя, если рассудить, на хер такую заботу, с зоны он бы уже откинулся, а сколько у нас будет, бедолага, зависать, хрен знает.

Игорь Васильевич подумал и добавил:

- Хотя, если разобраться, он сам ведь не уходит. Значит, что-то его устраивает у нас.

- Его устраивает, что он, типа, на фээсбэ, работает, при том что делать в основном ни хрена не нужно.

- Это ты после выходных посмотришь, как делать ни хрена не нужно, - отвечал на это Игорь Васильевич. - Ты сейчас отойдешь от того, что увидел этой ночью, а там и новое дело подоспеет, ты даже не заметишь, как время пролетит.

Игорь покивал, понимая правоту Игоря Васильевича.

- Как вообще, мандраж прошел? - спросил Игорь Васильевич.

– Пока не знаю, – честно ответил Игорь. – Сейчас мне вообще кажется, что ничего не было.

– Главное, ты новости на выходных не смотри криминальные, – посоветовал Игорь Васильевич. – Давление может подскочить. И кинцо всякое с зарубами тоже не советую, так накатит с непривычки, что можешь в запой уйти. Смотри, типа, «Виасат», диснеевское что-нибудь, у меня канал есть с советскими детскими фильмами, у тебя, наверно, тоже есть. Вот его и смотри. Можно, кстати, побухать сейчас, сбросить стресс на время.

Они уже подъехали к дому.

– Да нет пока никакого стресса. Не дошло еще полностью, – признался Игорь, желая показать, что разбирается в себе лучше, чем полагает Игорь Васильевич.

– Ну ладно, хорошо. Если что – звони, делись, нельзя такие вещи в себе держать, – уже забравший дубленку с заднего сиденья и вышедший из машины Игорь Васильевич похлопал машину по крыше, как бы желая Игорю удачи, и пошел к дому, звякнув ключами.

Игорь все равно, на всякий случай, глянул на заднее сиденье и только потом тронулся с места, медленно, чтобы убедиться, что Игорь Васильевич зашел в подъезд.

Все произошедшее казалось сном. Мозг отбрасывал всякую возможность того, что убийство ночью произошло на самом деле, но все равно, даже когда Игорь добрался до дома и уснул, и потом, когда вел сына из детского сада, казалось, что изгоняемое воспоминание следует за ним, как какой-то черный небоскреб на колесиках с одним курящим человеком на освещенной лестничной клетке.

Вечером он поймал себя на том, что смотрит на сына, играющего в гостиной на полу с коллекцией «Тачек», и не видит его; что уже пару часов разговаривает с ним и как-то шутит, но не помнит ничего из разговора и шуток. Телевизор по совету Игоря Васильевича крутил детский канал, но Игорь совершенно не замечал, что показывали. «Эк меня расколбасило», – недовольно подумал про себя Игорь, он всегда считал, что расшатать его нервную систему трудно, а теперь сам себе казался медузой на берегу.

Игорь почувствовал себя совсем уже тряпкой, когда вздрогнул от щелчков ключа в дверном замке.

- Мама! - крикнул сын и помчался к двери.

Игоря кольнула ревность - сын никогда не встречал его с такой радостью. Игорь вяло удивился тому, что его еще волнуют такие вещи, а потом удивился своему удивлению, почему, собственно, его не должно волновать, любит его сын или нет. Эта мысль зациклилась, затерялась, а ступор вернулся.

Игорь тоже пошел встретить жену, и пока вешал ее пальто, Ольга, видимо, заметила всю его вялость, туповатость в глазах, поэтому спросила:

- Что ты такой пришибленный сегодня, вчера еще светился. Тебя что, опять выгоняют?

Игорю хотелось сказать ей прямо у порога, чтобы она брала ноги в руки и переезжала вместе с сыном куда-нибудь подальше, в какую-нибудь глубинку, но сдержался.

- Прекрасного ты мнения, - Игорь сделал вид, что оскорблен, но сыграл как-то вяло.

- Устал после ночи? - попыталась угадать жена, Игорь же согласно кивнул, потому что она была отчасти права.

Жене некогда было разбираться с проблемами Игоря - она переключилась на сына, всячески его тиская, а сын принялся виснуть на ней, они о чем-то заговорили, но Игоря опять накрыло мрачностью и усталостью, и он только смотрел на милующихся сына и жену, словно на экран приглушенного телевизора.

- Что было-то? - спросила жена.

Игорь только махнул рукой.

Как робот, Игорь сопровождал жену в ванную, выгнал оттуда пытающегося помыться с матерью сына, потом пошел за нею на кухню, затем слушал, как она читала Мишке, сидя в ногах на детской кровати, так что сын в итоге перебрался к нему на колени. Так же автоматически он занялся сексом с женой и лежал, глядя в потолок, пока она не уснула. Чтобы не беспокоить ее своим ворочанием с бока на бок, Игорь ушел на кухню, встал у окна, закурил и не успокоился, пока не опустошил всю пачку.

Жена, разбуженная пустотой возле себя, пришла, бесшумная, как призрак в своей ночной рубашке. Игорь увидел, как мелькнуло белое отражение в окне, подпрыгнул от испуга и возненавидел себя за это. Жена положила руки ему на плечи и спросила, все ли нормально. Игорю не хотелось отвечать, далеко внизу компания молодых людей играла ногами в хоккей на старом катке возле школы, шайбой им служила пластиковая бутылка из-под пива. Игорь, глядя на них, подбирая слова, чтобы ответить жене и не напугать или как-то неосторожно не обидеть ее.

– Просто сон что-то перебил, – наконец сказал Игорь как можно более непринужденным голосом, но ему самому не понравилось как фальшиво это прозвучало. – А так-то все нормально.

– Надеюсь, вы там не по саунам зависали с особым заданием, – с легкой усмешкой заметила жена, обнимая его поперек живота. – Пойдем спать.

– Я бы предпочел контрафактом заниматься, – сказал Игорь, и ему понравилось, как вернулась его обычная шутливая интонация, которую даже не нужно было играть. – Бытовой техникой. Сейчас еще выкурю пару окурков из пепельницы – и пойду. Все нормально, правда.

– Мои возьми, они уже лет шесть лежат в столе, – предложила жена и протянула пачку, вытянутую из ящика. – Я пойду, ты с собой точно ничего не сделаешь? Выглядишь, как бассет-хаунд.

Игорь честно рассмеялся от такой заботы о нем и ущипнул жену, когда она уходила. На миг черный небоскреб исчез у него из-за спины, но когда жена ушла, все накатило с новой силой.

– Все нормально, – сказал он шепотом молодым людям, гоняющим бутылку по катку. – Все нормально, правда.

Глава 3

На следующее утро, когда Игорь уже проехал половину пути до работы, позвонил Игорь Васильевич и сказал, что главный дал еще один выходной, так что можно спокойно спать.

– Какое «спать», ты позже не мог позвонить? – возмутился Игорь. – Я уже почти доехал. Так можно обратно разворачиваться? Ничего не изменится?

– Можно, можно, – успокоил Игорь Васильевич. – Кстати, ты как?

– Да не очень что-то. Вчера весь день дергался, когда проснулся. Это нормально?

– Конечно, нормально, – сказал Игорь Васильевич, – и нормально будет, если ты будешь дергаться еще с годик, это значит, что ты не совсем социопат. Вообще, нормально было бы, если бы ты, допустим, в запой ушел после такого и больше бы не вернулся к нам. Так бы нормальный человек поступил. Но ведь нас поэтому и понабрали, что мы не совсем в своем уме.

– Понятно, – сказал Игорь, при том что ничего не понял.

– Понятно, что ничего не понятно, – сбанальничал Игорь Васильевич. – Может, ко мне подъедешь? Побухаем. Я уже и Фила позвал. Правда, он отказался.

– Ты с утра уже собрался пить? – Игорь разворачивал машину в сторону дома, и досада на другие автомобили, мешающие ему это сделать, передалась голосу.

– А ты что такой злой? – спросил Игорь Васильевич. – Нет, конечно, не с утра, кем бы мы были, если бы прямо с утра? Думал, мы ко мне на дачку съездим, шашлык забабахаем. Ты ведь не был у меня на даче.

– А кто бы нас обратно повез? – поинтересовался Игорь. – Наши недофээсбэшные корочки?

– Если бы Фил согласился, он бы повез, он ведь не пьет. Он, видно, решил вечно жить.

– Но он же не согласился.

– Я хотел Молодого подключить попозже, но Молодой что-то на звонки не отвечает.

– Тухловатый план, – подытожил Игорь. – Вдвоем как-то хреново шашлыки жарить и напиваться, а третьего хрен найдешь.

– Ну да, не судьба. Молодой вроде не противник алкоголя, зависли бы там, глупо бы получилось, – признал Игорь Васильевич, и они попрощались.

Игорь позавтракал перед выходом на работу, но когда выяснилось, что никуда ехать не нужно, он почувствовал как бы второе пробуждение и тут же ощутил пустоту в желудке. Движение на дороге прибило его к какой-то круглосуточной тошнилровке-пиццерии, в больших окнах которой были видны полусонные сотрудники, вытирающие столы. Парковка возле пиццерии оказалась свободна, и он свернул туда, надеясь, что когда позавтракает по второму разу, машин на дорогах поубавится.

Изнутри кафе, чувствуя себя уже пешеходом, Игорь с удовольствием смотрел на машины, почти стоявшие в полумраке, морозной пыли, бензиновых и газовых выхлопах, и на троллейбус, сквозь морозные стекла которого была видна одна сплошная многоголовая тень пассажиров. У кассира был сиплый утренний голос и утренний несколько помятый вид, при том что корпоративная форма на нем была чиста и выглажена. Это тоже как-то доставило Игорю удовольствие, сам он уже был бодр и весел, разговор с Игорем Васильевичем стряхнул с него остатки сонливости. И вот когда он совсем уже несколько даже развеселился, заказав кофе, пиццу – а пока он все это заказывал, за ним образовалась небольшая очередь из студентов и офисных работников, желающих перекуса (это также прибавило Игорю настроения, потому что он редко оказывался сразу впереди очереди), – и вот, когда он, взяв поднос, пошел к столику в уголке, который сразу приглядел себе, ему и позвонили.

Сначала Игорь решил проигнорировать звонок, потому что звонили с незнакомого городского номера, но звонки настойчиво повторялись.

– Здравствуйте, извините, что так рано, – сказал голос на том конце провода. – Меня Олег зовут, я из вашего ведомства.

– Ага, ага, – сказал Игорь, жуя и не чувствуя подвоха.

– Ну вы, наверно, знаете, что вас немного контролируют, – сказал загадочный Олег.

– Есть такое, а в чем дело?

– Ну вы копались немного по поводу сотрудников, с которыми вы работаете. В Интернете копались.

– А, ну да, копался, я просто не хотел из служебной сети лезть. Там такой хмырь работает малолетний, – сказал Игорь, чувствуя, как настроение почему-то стремительно портится.

И сразу же понял, почему оно портится. Только что он был свободным человеком, оторванным от семьи и работы, и тут же его взяли на поводок. – А в чем дело?

– Просто если кто-то заинтересуется, сможет с легкостью связать ваше нынешнее место работы, людей, с которыми вы работаете, и результаты ваших поисков. Странно, что вы об этом не подумали, – Олег был предельно вежлив, но какой-то цепляющий за душу снобизм дергал нервы.

– Это совсем уже паранойя, – сказал Игорь.

– Если бы вы признавали масштаб происходящего, вы бы так не говорили, но, я так понимаю, вы в тот момент еще не совсем были введены в курс дела.

– Не совсем, – сказал Игорь.

– Это можно списать на случайность, – попытался утешить Олег, – но уверяю вас, если вы продолжите в том же ключе, например, попытаетесь накопать что-нибудь про операции, проходившие в прошлом, этим вы поставите под угрозу не только жизнь нынешних сотрудников отдела и свою, но и жизнь вашей жены и вашего сына.

– Это угроза, что ли? – спросил окаменевший Игорь.

Олег вздохнул, как будто даже пропыхтел что-то, надув щеки, и сказал:

– Нет, это не угроза, по крайней мере, не от нас, это внешняя угроза, и с ней приходится считаться. Пожалуйста, не делайте так больше. Найдите левую сим-карту, я не знаю, копайте где-нибудь в местах, не связанных с вашим постоянным местопребыванием. Вот, например, в этой пиццерии, где вы сейчас сидите, есть бесплатный вай-фай, это прекрасная возможность, если не использовать ее многократно. Но опять же, что вы найдете? Бытовые убийства, не более. Влезать в это и подвергать опасности чужие жизни, по меньшей мере, безответственно.

– Хорошо, я понял вашу мысль, – сказал Игорь.

– Тогда до свидания, – произнес Олег и положил трубку.

Компания молодых людей, сидевшая через столик от Игоря и что-то обсуждавшая, грохнула от смеха, Игорь подумал, что они смеются над его оступелым видом, но они даже не смотрели в его сторону.

Игорю захотелось закурить прямо в пиццерии. Разумеется, копать что-то на коллег со своего телефона было верхом глупости, если не сказать больше. Игорю стало стыдно за свою недалекость, вместе с тем он испытывал и облегчение, что все не повернулось еще серьезнее, что его хотя бы сначала предупредили, чтобы не лез куда не просят, в отличие от прошлого раза. «Хотя в прошлый раз, кажется, тоже предупреждали», – вспомнил Игорь, поедая остывший и потому картонный на вкус кусок пиццы. Ехать домой и нагнетать паранойю в одиночестве ему не хотелось. Игорь подумал, что не поздно еще позвонить Игорю Васильевичу и согласиться на шашлыки. С другой стороны, он знал, что на шашлыки он категорически не хочет, что на Игоря Васильевича еще насмотрится на работе. Чтобы развеять тоску, Игорь позвонил жене, но она

долго не отвечала, а когда все-таки подняла трубку, то злобно прошипела:

– Ты с ума сошел, у нас совещание.

И пропала, как будто начальник в гневе отрубил ей голову.

«Ну, совещание – так совещание», – с мрачной веселостью подумал Игорь. Словно подчеркивая его, Игореву, ненужность, худой маленький официант уже равнодушно убрал у него из-под носа пластмассовый поднос и бумажную посуду, а затем стал протирать стол. Игорь, стесняясь, встал и пошел к выходу.

Как он и ожидал, количество машин на дороге уменьшилось, они уже уехали куда-то к другим перекресткам и скопились там. Сев в машину и не зная, куда поехать и чем себя занять, он вдруг увидел, как семья, похожая на его семью – то есть муж, жена и ребенок, – повернула в заведение, которое он только что покинул. Глядя на ребенка, Игорь вспомнил, что очень любил, когда его забирали из садика пораньше, он не мог оживить самого этого чувства, но помнил его как некий факт, будто вычитанный в досье на себя самого, загруженном в память. Оттуда же, из глубин головы, всплыл факт, что он сильно завидовал мальчику, у которого был стеклянный глаз вместо одного настоящего. Следом всплыло воспоминание, что в их группе были сын участкового и дочь прокурора – и вся группа завидовала именно сыну участкового, ведь у его отца был пистолет. Казалось, что милиционер – это величина, сравнимая с неизвестным тогда Игорю Джеймсом Бондом. Слово же «прокурор» вообще тогда Игорю ничего не говорило, оно осталось в памяти только из-за своей необычности.

Игорь подумал, что шестилетние дети того времени и нынешнего мало чем отличаются, мозгов и у тех, и у других в принципе не было и нет, поэтому решил, что сын обрадуется его внезапному извлечению из лап воспитательницы и няни, как обрадовался бы в свое время и он сам.

Подъезжая к решетчатой ограде детского сада, он кинул привычный взгляд на площадку сына и увидел там его группу, выведенную на прогулку. Игорь не сразу различил сына среди хаотическидвигающихся и колупающихся в снегу детей, хорошо видна и определяема была только нехуденькая воспитательница, имя-отчество которой Игорь никак не мог запомнить.

- Егоров, слезь! – орала она в тот момент, когда Игорь вылез из машины.

- Мужчина, куда? – проорала она, когда Игорь прошел в ворота на территорию садика. Игорю не понравился ее тон, но понравилась ее бдительность.

- Да я сына забрать, – объяснил Игорь, подойдя.

- Что-то случилось? – почему-то встревожилась воспитательница.

- Да нет, слава богу, ничего не случилось, – заотмахивался Игорь, – отгул внезапно выпал, вот и решил...

Его всегда поражала деятельность ребятни на детской площадке. В ней не было смысла, делать среди деревянных домиков, горок и наклоненной временем шведской стенки было нечего, но дети находили, чем заняться, – и потому казались компанией сумасшедших, видящих то, чего нет, или кататонически застопоренных каким-либо занятием, вроде сосредоточенного копания снега лопаткой, бега по кругу и однообразных пинков в веранду. Когда выяснилось, что Игорь забирает сына пораньше, все дети замолчали и стали смотреть на них с сыном, как зомби, прервавшие свои разброд и шатание в ответ на подозрительный звук человеческого кашля.

- Тебе ничего не надо забрать? – спросила воспитательница у сына Игоря таким приторным голосом, словно сама верила, что Игорь поверит, будто она всегда разговаривает с воспитанниками именно в таком тоне. Сын отрицательно помотал головой, из-под шапки его торчали прядки, прилипшие к мокрому от пота лбу, и волна нежности к этим прядкам подкатила под самое сердце Игоря.

- До свидания! – крикнули дети в спины Игоря и сына, Игорь обернулся и тоже попрощался, а сын помахал рукой, будто отплывая на последнем пароходе в сторону Турции в то время как садик уже занимают красные.

- Ты чего меня забрал? – негромко спросил сын.

- У меня сегодня выходной, вот и забрал, – ответил Игорь и улыбнулся ему вниз, вдоль правой своей руки, за которую сын держался красной рукавичкой.

– А мама дома? – спросил сын.

Игоря опять кольнула ревность.

– Нет, – сказал он весело, – не может же быть сразу все – и я, и мама, и пораньше уйти.

Сын рассмеялся быстрым, диким, радостным смехом, прикрывая рот второй рукавичкой (мать часто ругала его за этот смех).

– Может, в кино сходим? – спросил Игорь, потому что домой ему пока не хотелось, хотя с таким тасканием ребенка по кино или зоопарку или развлекательному центру он сам себе напомнил всех знакомых ему отцов в разводе.

– Давай лучше в кино большое ведро попкорна купим и пойдем домой, – предложил сын, ему, в отличие от Игоря, домой почему-то хотелось.

Игорь хотел сказать, что большое ведро попкорна сын растрясет по машине, пока они едут, однако сдержался.

– Ох и любишь ты пожрать, – сказал Игорь сыну, тот опять рассмеялся своим диким, быстрым смехом и снова прикрыл рот рукавичкой.

– Мне его на целый день хватит, – сказал сын.

– А со мной ты не поделишься? – спросил Игорь.

– Немного, – ответил сын.

– Тогда поехали.

Сын с готовностью полез в свое детское кресло и принялся пристегиваться.

В итоге день прошел настолько хорошо, что Игорь стал надеяться на еще один телефонный звонок, который обеспечил бы ему еще один выходной. Никто,

конечно, не позвонил, однако настроения Игорю это не испортило.

Небо было ясным и лунным. Путь до работы оказался легким, как будто чем-то смазанным, Игорь добрался до места в два раза быстрее обычного; когда он заглянул к главному, того еще даже не было в кабинете.

Чтобы развеять утреннюю скуку, Игорь зашел к Филу, тот смотрел новостную передачу, и вид у него был довольный и загадочный. Игорь грешным делом подумал, не трахнул ли кого Фил, пока все отдыхали, и не прикопал ли он этого кого-то на территории конторы, но спрашивать о таком было бы странно, тем более что на все вопросы Фил отвечал рассеянно, и разговора с ним не получалось.

Игорь махнул рукой и пошел к Игорю Васильевичу. Тот был в обратном Филу расположении духа: говорить он хотел, однако ничего хорошего сказать не собирался. Без своих обычных подколов он расспросил Игоря, каково ему было на дополнительном отгуле. Видя такое настроение товарища, Игорь отвечал вяло, да и не мог он объяснить человеку, не знакомому с его семьей, что хорошего в отдыхе с этой семьей.

– Ох, пойдем лучше покурим, – сказал Игорь Васильевич, когда увидел, как Игорь плавает в своих объяснениях, – пока Ренат не пришел и Эсэс. А то набегут, и хер мы увидимся до вечера.

По пути они постучали в кабинет Молодого, не особо надеясь, что он на месте, – Молодой обычно опаздывал под разными предлогами, но всегда было видно, что он проспал. Молодой вышел с большой кружкой кофе в руке, а Игорь Васильевич сразу же выразил желание, чтобы Молодой поделился с ним этим кофе. Игорь тоже подумал, что не прочь выкурить сигарету и выпить кофе, глядя в забеленное окно и дыша свежим воздухом из щелей лестничной площадки, и выразил эту идею вслух. Молодой сказал, что все кружки, кроме его, у Фила.

– Ой, да не трынди, ты их столько из дома перетаскал, – сказал Игорь Васильевич, и Молодой сдался.

– Давайте только я сам вам налью, а то вы перетопчете тут все или уроните, – сказал Молодой и отдал кружку, что держал в руках, Игорю Васильевичу. – Подержи пока.

Игорь Васильевич тут же шумно отхлебнул и вздохнул:

– Ох, хорошо. Хотя бы что-то хорошо.

– А что плохо? – спросил Молодой из темных глубин своего кабинета, где отовсюду свисали провода и был разбросан технический мусор.

– Сейчас придем, расскажу, – сказал Игорь Васильевич тяжелым голосом. – Новость номер один просто.

Пока Молодой ковырялся с кружками и кофе, шумно зашел на второй этаж Сергей Сергеевич и поприветствовал их:

– О, работнички, Рината еще нету?

– Да хрен его знает, – мрачно ответил Игорь Васильевич. – По мне, так хоть и вовсе бы не приходил.

– Че злой с утра? – спросил Сергей Сергеевич, отпыхиваясь возле двери в свой кабинет.

– Сначала парням расскажу, потом тебе.

– С машиной что-то?

– С машиной, с машиной, – сказал Игорь Васильевич.

На лестничной площадке мелькнула тень, Игорь сначала решил, что это Ринат Иосифович, однако по тому, что тень не полезла к ним в коридорчик, а сквозанула на этаж выше, Игорь понял, что это Фил пошел поджидать их в курилке. Изнутри кабинета Молодого раздался смех.

– Так ты из-за машины, что ли? – спросил Молодой. – Я думал, ты по пьяни что-нибудь наворотил.

– Я вчера вообще не пил, – сказал Игорь Васильевич. – Выпьешь с вами, ага. Как девочки, бля. Один совсем не пьет, другой подкаблучник, третьего, наверно, еще от мамкиной груди не отлучили.

– Пей с Ринатом, хрена ли, – сказал Молодой. – Не нравится ему.

– Ты, кстати, почему меня не зовешь к себе на шашлыки? – спросил Сергей Сергеевич. – У тебя же все уже на даче перебивали, кроме меня.

– Я просто подозреваю, что ты все шашлыки один захавашешь, – правдивый в своей злости сказал Игорь Васильевич.

Сергей Сергеевич довольно похлопал себя по животу, но при этом ничего не сказал и скрылся в кабинете.

– Он Рината, кстати, знаешь, почему на дачу больше не зовет? – выходя с кружками и отдавая одну Игорю, спросил Молодой. – Он тебе не рассказывал?

При том что одна рука у него освободилась, Молодой шумно захлопнул дверь ногой, и все двинулись в сторону курилки. Игорь Васильевич смиренно притих.

– Васильевич не знал, что тот долбанутый на всю башку, когда хоть каплю выпьет. Ты не смотри, что Ринат такой прилизанный. Он дома вроде бухает, но там его жена сдерживает, потому что она сама отмороженная, инструктор по рукопашному бою вроде бы.

– Да никакой не инструктор, – встрял Игорь Васильевич.

– А мы тогда все там были и еще один, ты его не знаешь, а так вообще все, кроме Эсэса. Ну, короче, и вырвался Ринат на волю и упал в синюю яму, дня три не давал нам с дачи уехать. Навел каких-то шмар местных, как из фильма «У холмов есть глаза», растрепал, что Фил по пацанам угорает, так одна своего сына привела, Фил чуть не через чердак свалил от него в ужасе. Пацан это водяру хлестал и курил, как Васильич, попятил у него что-то из машины, вроде магнитола и мобилу. Я закрылся в комнатке наверху и не высовывался, пока у них там оргия была.

- Заблевал там все, - вставил словечко Игорь Васильевич.

- Я и астры твои обоссал сверху, - продолжил Молодой. - Потому что вниз спуститься страшно - там какая-то тетка лет шестидесяти все пыталась у меня отсосать, со словами «какой молоденький». Прыгать со второго этажа стремно, у тебя все высокое, второй этаж на высоте четвертого.

- На нормальной он высоте.

Рассказ свой Молодой заканчивал куря и прихлебывая кофе - они поднялись уже в курилку, Фил ожидал их на своем обычном месте - на подоконнике. Слушая Молодого, Фил улыбался от удовольствия, то ли его радовал рассказ, то ли он был в том своем утреннем настроении.

- Не надо про нормальную высоту, - сказал Молодой, - у тебя потолки как будто пятиметровые, я сперва думал, мне показалось, а когда приехал в следующий раз - убедился. Так вот. Хотя и позвал Ринат шмар, а сил у него на них уже не хватило, его хватило только чтобы раздеться и так бродить по участку и бухать. А Васильевича они чуть не изнасиловали, благо появилась тут жена Рината и давай всех колотить без разбору - правых и виноватых. Она у Эсэса узнала адрес дачи и приехала в самый последний момент. Ключья летели во все стороны даже от Васильича. А блядей она гоняла лопатой. Ринату башку цветочным горшком разбила, когда он попытался ей ксиву свою предъявить, а оказалось, что доставать ее неизкуда.

- Ты-то откуда знаешь? - спросил Игорь Васильевич. - Ты же на втором этаже был, тебе же видно ничего не было.

- Я зато видел, как она твоих садовых гномов чем-то железным на куски ломала, сначала головы им поотбивала, потом вдребезги их перебила.

- Ренату повезло, что она на гномов переключилась, - сказал Игорь Васильевич. - У нее ни на что больше сил не хватило.

- Не только Ринату повезло, - возразил Молодой, - всем повезло, включая меня.

- Самое интересное... - начал было Игорь Васильевич.

– Самое интересное, – перебил Молодой, – что когда мы в гостях были у Рината на его день рождения, тоже на даче, ее и не узнать было. Такая русская хозяйшкa с пятым размером.

– Я вот о том же хотел сказать, – сказал Игорь Васильевич.

– И наливала, – продолжил Молодой, – всех по имени-отчеству, даже меня. Дети их к нам не лезли. И закуску подавала, я обожрался как не знаю кто. И Ринат только до веселого состояния допился и тут же перестал пить, как отрезало. И погода, как по заказу, я вроде не большой любитель вашего отдыха, но даже мне понравилось.

– И как женщина ничего, – шепотом сказал Игорь Васильевич, осторожно косясь в лестничный пролет.

– Ой, ты-то откуда знаешь? – спросил Молодой.

Игорь Васильевич указал большим пальцем на Фила, Фил виновато улыбнулся.

– Я их как-то у него застукал, – тихо пояснил Игорь Васильевич.

– Зашибись, – в сердцах сказал Молодой. – Ты, Фил, прямо машина любви. Готов всем ее раздавать. Я вроде тоже готов, но что-то никто не берет.

– Ну, шмара-то с дачи готова была взять тебя целиком и полностью, тут уж ты сам момент похерил, – сказал Игорь Васильевич чуть более веселым голосом, чем был у него с утра.

– Я себе свой первый раз представлял иначе, – манерно сказал Молодой, и все засмеялись.

Игорь заметил, что его пустая кружка остыла в руке, и спросил Игоря Васильевича:

– Так что ты мрачный такой с утра?

– Я мрачный? – спросил Игорь Васильевич. – Я не мрачный, я злой, бля. Мы знаешь кого завалили? Мы моего автослесаря завалили, прикинь, поворот.

Глядя на лицо Игоря Васильевича, хотелось рассмеяться, сама же смерть автослесаря, еще стоявшая в голове Игоря во всех деталях, заставила Игоря сдерживать смех. Однако же комичный элемент в этой ситуации все-таки присутствовал, этого Игорь не мог отрицать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sal-nikov_aleksey/otdel

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)